

КРИМИНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛИСТ, СОАВТОР КНИГИ «Я ИСЧЕЗНУ ВО ТЬМЕ.
ДЕЛО ОБ УБИЙЦЕ ИЗ ЗОЛОТОГО ШТАТА»

БИЛЛИ ДЖЕНСЕН

ПРЕСЛЕДУЯ ТЬМУ

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ПО РАСКРЫТИЮ УБИЙСТВ

Охотники за разумом. Настоящие
расследования профайлеров

Билли Дженсен

**Преследуя тьму.
Практическое руководство
по раскрытию убийств**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Дженсен Б.

Преследуя тьму. Практическое руководство по раскрытию убийств
/ Б. Дженсен — «Эксмо», 2020 — (Охотники за разумом.
Настоящие расследования профайлеров)

ISBN 978-5-04-188133-7

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО О ТОМ, КАК РАСКРЫВАТЬ
УБИЙСТВА В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА — ОТ ТРУ-КРАЙМ ЖУРНАЛИСТА
И ГРАЖДАНСКОГО СЫЩИКА БИЛЛИ ДЖЕНСЕНА. Вы когда-нибудь
хотели раскрыть убийство: собрать улики, которые проглядела полиция,
опознать подозреваемого? Тру-крайм-журналист Билли Дженсен провел
пятнадцать лет, обозревая нераскрытые убийства. Все истории, которые
он написал, имели одну общую черту — у них не было конца: убийца
все еще был на свободе. Но однажды чаша терпения переполнилась, и
он придумал план. План расследования после того, как копы сдались.
Используя социальные сети и краудсорсинг, Билли создал эффективную
систему поиска преступников — и разработал систему правил, чего делать
не стоит, чтобы не скомпрометировать себя и расследование. Стремясь
восстановить справедливость и подарить утешение родственникам погибших,
он брался за дела обычных людей, чья жизнь прервалась плохими парнями
— грабителями, уличными хулиганами и мародерами, — случайно
встретившимися у них на пути. Но судьба подарит ему шанс дописать
книгу об Убийце из Золотого Штата и поучаствовать в деле знаменитой
Алленстаунской четверки — загадочного серийного убийства, произошедшего
много лет назад... Захватывающая и необычная, книга «Преследуя тьму»
— это книга о подлинной страсти к своему ремеслу, показывающаяся, как
самый обычный человек, желая справедливости, может сделать жизнь лучше.

«Неожиданно и пугающе... Прорывное криминальное повествование, ценное
для фанатов тру-крайма». — Джон Дуглас, легендарный профайлер ФБР,
автор криминальных бестселлеров «Отчасти мемуары, отчасти практическое
руководство, "Преследуя тьму" включает в себя правила ответственной

гражданской детективной работы... Билли Дженсен потратил почти все свое свободное время и энергию за несколько лет на краудсорсинговые уголовные расследования... Даже когда он накопил 20 000 долларов долга на кредитке от продвижения своих постов, он не прекращал работать над криминальными делами». — Rolling Stone В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-188133-7

© Дженсен Б., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие Карен Килгарифф	7
Пролог	9
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Билли Дженсен Преследуя тьму Практическое руководство по раскрытию убийств

Billy Jensen

CHASE DARKNESS WITH ME: HOW ONE TRUE-CRIME WRITER STARTED
SOLVING MURDERS

Copyright © 2019, 2020 by Billy Jensen

© Пудов А.В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Дизайн обложки Константина Гусарева

В коллаже на обложке использованы иллюстрации: © pashabo, YURI HRIDNE /
Shutterstock.com

* * *

Жертвам

Предисловие Карен Килгарифф

Послушайте, я не хочу подсказывать вам, как читать эту книгу или что-то в этом роде, но на вашем месте я бы перешла к последней главе и прочитала ее первой. Так вот, обычно я этого никому не советую. Нелогично и странно так поступать. Как вы можете понять суть концовки, если не знаете, кто главный герой и через что он прошел, прежде чем попасть туда? Как вы можете переживать за него?

Однако в этой книге мы имеем уникальную ситуацию, поскольку (а) это не роман, а история настоящего криминального журналиста, и (б) если вы знаете о настоящих преступлениях, то вы уже знакомы с побуждающими обстоятельствами из последней главы. Она связана с делом, которое сейчас настолько печально известно, что большинство американцев, даже те, кто «не любит» настоящие преступления, знают о нем. Я просто хочу сказать: как это может быть спойлером, если все уже знают, что произойдет?

* * *

Удивительно, что я знаю Билли Дженсена только около двух лет. А такое чувство, что все двадцать. С тех пор как мы впервые встретились в ресторане на Франклин-авеню, произошло очень много важных событий, изменивших нашу жизнь. Мы с Джорджией Хардстарк устроились за угловым столиком и ужинали после прямого эфира подкаста «Мое любимое убийство», и поскольку я сидела лицом к залу, я первой увидела приближение Билли. Это был чрезвычайно высокий мужчина с серьезным лицом, одетый в черный плащ. *Был ли он в плаще?* Возможно, я приукрашиваю. Суть в том, что у меня появилось плохое предчувствие на его счет. Билли Дженсен заговорил с нами с расстояния метра в полтора, и не в обычном стиле: «Извини-те за беспокойство, позвольте представиться», как это делаем мы здесь, в Лос-Анджелесе. Дженсен говорил так, словно мы уже разговаривали и ему это не очень понравилось.

— Да, я работал над тем делом, которое вы, ребята, только что раскрыли. Я слушал его сегодня.

Он нас в чем-то обвиняет? Заявляет, что это его дело? Или мы не должны были его раскрывать? Кто такой этот парень? Я огляделась в поисках дежурящего охранника.

— Вы слышали, что шериф собирается опубликовать первоначальный отчет судмедэксперта?

Просто чтобы вы знали, я не передаю его слова буквально. Не помню его реплики, но эта была более чем конкретной, что и заставило меня запаниковать. Я понятия не имела, о чем он говорит. Мы освещаем два дела в неделю в нашем подкасте о настоящих преступлениях, но, в отличие от журналистов-криминалистов, мы гораздо более, скажем так, небрежно относимся к деталям. Я предположила, что специалист высказывается по поводу отсутствия у нас опыта. Официант, чек, пожалуйста!

Впрочем, Джорджия знала, о чем это он, и сразу же вмешалась. Когда Билли Дженсен приземлился за наш столик, я увидела, что его глаза сверкают энтузиазмом человека, который в чужой стране нашел людей, говорящих на его языке. Оказалось, Дженсен появился здесь не для того, чтобы ругаться с нами или нас исправлять. Билли не терпелось поговорить о делах. К счастью, этот разговор продолжается и по сей день.

Теперь, если хорошо подумать, вам, вероятно, стоит прочитать эту книгу именно так, как ее написал Билли, с финальной развязки. Дженсен и впрямь знает в этом толк. Пройдите по его личным временным вехам. Узнайте о прошлом Билли и его влиянии. Прочитайте о ранних

нераскрытых делах, оказавшихся недостаточно шокирующими и кровавыми, чтобы заслужить освещение в СМИ, и посмотрите, как они изменили Билли Дженсена в бытность его молодым репортером. Узнайте, как Билли надоела его работа и откуда возникла идея самостоятельно заняться раскрытием убийств. Разберитесь со всем этим и разложите информацию по полочкам. Тогда, когда вы наконец доберетесь до потрясающей, захватывающей дух заключительной главы, вы сможете ощутить яркое авторское озарение как собственное.

Впрочем, если позволите, финал этой книги – не просто захватывающий, живой рассказ о том, как было раскрыто крупное дело, в которое Дженсен погрузился по уши. Это еще и творение опытного криминального репортера, который, несмотря на потрясение и нереальность подобного переломного момента, нашел силы написать собственную потрясающую историю.

Это оживший сюжет фильма. После многих лет трудной, неблагодарной работы репортер, одержимый справедливостью, получает редкое удовлетворение от торжества справедливости. И кому не захочется немедленно прочесть эту историю?

Хорошие криминальные журналисты превращаются в мостик между худшими представителями человечества и теми из нас, кто хочет знать, насколько все плохо на самом деле. А иногда, если криминальная история не имеет конца, такой репортер, как Билли Дженсен, берется за дело и посвящает жизнь ее разгадке. Такие люди побывают на старых местах преступления, побеседуют с семьями погибших, будут ходить по темным кварталам в поисках правды. Их заслуги редко признаются, а ведь они заполняют многочисленные пробелы вокруг личности жертв, рассказывают нам, кем был человек до того, как стал просто очередным эпизодом анонимной статистики. Это благородная работа. Книга «Преследуя тьму» – о жизни, посвященной этой работе.

Потому что как вы можете понять смысл финала, если не знаете, кто главный герой и через что он прошел, прежде чем дойти до развязки? Как вы можете за него переживать?

Пролог

Все начинается с кадра сверху – цветного, но без звука. Человек входит в «Севен-Элевен»¹. Уже поздно, далеко за два часа ночи, но место действия освещено, уличные фонари и вывески магазинов вызывают мерцание, обычно неразличимое на типичном ночном видеонаблюдении. Близлежащие бары – «Генри», «О’Каллаган», «Вой на луну» и «Матушка Хаббард» – находятся далеко за пределами «последнего заказа»², и на улице смешались те, кто не хочет, чтобы ночь заканчивалась, и те, для кого день только начинается.

Несмотря на яркость улицы, вы вынуждены прищуриться, когда видео быстро переключается на ослепительную белизну интерьера магазина. Внутри вы видите спину хорошо одетого мужчины с коротко стриженными волосами, стоящего у прилавка и покупающего у продавца что-то, похожее на пакет чипсов. Мужчина указывает на клиента слева от себя, и мы видим его лицо. Он красив, но глаза у мужчины усталые, вероятно, после долгого вечера. Он поворачивается к продавцу, завершает покупку и выходит из магазина в ночь.

Затем видео переходит к съемке тротуара сверху, где Человек в зеленой толстовке с капюшоном открывает дверь в «Севен-Элевен». Он крупный, но вы не можете разглядеть его лицо. Едва незнакомец вошел в магазин, как охранник, стерегущий дверь, подходит к нему сзади, говорит что-то, что привлекает внимание посетителя, и делает универсальный жест большим пальцем. Человек в зеленой толстовке разворачивается и крадется обратно.

Через несколько мгновений видно, как покупатель с только что купленными чипсами выходит из магазина. Через минуту внизу экрана появляется подпись, и вам становится известно имя человека. Это Маркес Гейнс, бармен из «Чикаго Марриотт» на Мичиган-авеню. Когда Маркес выходит из магазина, Человек в зеленой толстовке встает перед ним. Впервые вы можете увидеть его лицо, брови, угрожающе нависшие над сердитыми глазами, и еще более сердитый хмурый взгляд. Вы можете видеть, как Человек в зеленой толстовке кричит. Он набрасывается на Маркеса и попадает в лицо охраннику. Человек в зеленой толстовке снова смотрит в лицо Маркеса. Маркес поднимает ладони вверх, словно говоря: «С чего ты так завелся?», и пытается уйти. Человек в зеленой толстовке следует за Гейнсом.

Затем видео переключается на дорожную камеру через улицу, и изображения превращаются из ярко освещенного крупного плана движущихся людей в съемку сверху зернистых, нечетких упырей, но все еще можно разглядеть Маркеса и Человека в зеленой толстовке. Вы наблюдаете, как Маркес быстро идет к пешеходному переходу. *Уходи от конфронтации, как все советуют. Просто. Уйди. Прочь.*

Человек в зеленой толстовке преследует Маркеса Гейнса. Быстрый шаг мужчины переходит в бег. Он делает три шага, а затем по какой-то причине оборачивается лицом к Человеку в зеленой толстовке. Тот бьет Гейнса по голове сокрушительным хуком справа и отбрасывает тело назад, на пешеходный переход. Маркес теряет сознание еще до того, как падает на землю. Пока он лежит на тротуаре, с противоположного конца улицы в кадр вбегают две фигуры.

«Слава богу», – говорите вы себе, наблюдая, как «добрые самаритяне» опускаются на колени рядом с неподвижным телом Маркеса. Ваше облегчение сменяется ужасом и недоверием, когда они засовывают руки в карманы несчастного и дочиста опустошают их, встают и убегают по переулку. Человек в зеленой толстовке, находящийся в кадре справа, уходит в ночь.

Несколько секунд спустя два такси, одно за другим, поворачивают направо, на улицу, где Маркес лежит без сознания. Первое едет справа от неподвижного тела Маркеса и едва

¹ 7-Eleven – крупнейшая сеть небольших супермаркетов, насчитывающая 64 тысячи точек. (Здесь и далее примеч. ред.)

² Объявление, которое делается перед закрытием бара о том, что посетители могут сделать последний заказ.

не задевает его. Следующее движется прямо на него, и две тонны автомобиля расплющивают грудную клетку Маркеса Гейнса. Гейнс убит.

Остальная часть видео показывает последствия. Крупный план людей на улице. На тротуаре один человек в полном шоке. Другой достает телефон и, по всей вероятности, звонит в 911.

Жизнь Маркеса Гейнса закончилась «в канаве». Никто не помогал ему, пока не стало слишком поздно, когда пришлось приказывать таксисту дать задний ход, чтобы медленно снять передние колеса с верхней части его тела.

* * *

К тому времени, как я посмотрел видео, Маркес Гейнс был мертв уже три месяца. Было четыре утра, и я лежал в постели в своей квартире в Лос-Анджелесе. Когда ты семнадцать лет работаешь журналистом, пишущим о нераскрытых убийствах, незавершенные истории частенько прокрадываются в твои сны. Не кошмары, нет, просто загадочные ситуации. Картинки, сюжет и персонажи всегда немного не такие, чуть отличаются от реальной жизни. Периодически они выступают в роли отца, который каким-то образом выбрался из могилы, чтобы навестить меня. Вот это кошмар, поскольку в сновидении я всегда знаю, что он должен вернуться. В любом случае, эти ситуации плохо вяжутся со спокойным сном.

Я снова нажал на кнопку воспроизведения и ощутил, что начинаю раздражаться. Несколько мрачных недель назад я сидел в баре в Бостоне, на моих ботинках все еще оставалась грязь после того дня, когда я осматривал место убийства женщины и троих детей – их запахнули в две двухсотпятидесятилитровые бочки и выбросили в лесах Нью-Гэмпшира. Я собирался выпить еще две кружки пива до наступления ночи, когда, рассеянно просматривая сообщения в «Фейсбуке», увидел заметку от незнакомца. *«Не уверена, слышали ли вы. Мне очень жаль»*, – написала женщина со ссылкой на статью. Я прочитал заголовок шесть или семь раз, пытаясь отмахнуться от этих слов: *«Мишель Макнамара, писательница и жена Паттона Освальта, умерла в 46 лет»*.

Мишель была моим партнером в раскрытии преступлений. Она умерла в разгар погони за настоящим монстром, называемым Убийцей из Золотого штата, и оставила незаконченную рукопись о своей одержимости этим делом. Маньяк убил по меньшей мере двенадцать человек и изнасиловал как минимум полсотни женщин в их домах. Мишель была целеустремленной, решительной. Безжалостной. Мы встречались каждый месяц за обедом, и Макнамара рассказывала мне о поисках. О том, как близко, по ее мнению, она к тому, чтобы отыскать убийцу. Найти монстра.

Только что я видел уличного монстра. Но оба убийцы были сделаны из одного теста. Эти мастера запугивания своими действиями словно кричали: «Я здесь король!» Убийца из Золотого штата мог изнасиловать женщину в ее доме. Мужу жертвы в это время приходилось лежать неподвижно, ведь посуда, которую преступник положил ему на спину, не должна была производить никакого шума, провоцируя насильника еще больше. Маньяк делал себе бутерброд, рылся в шкафах, а затем замолкал, позволяя жертвам думать, что он, возможно, ушел, прежде чем объявить – он все еще там и ужас не закончился. По несколько часов монстр, которого искала Мишель, обладал этими людьми. Вся их жизнь находилась у него на ладони, и он наслаждался этой властью. В ту ночь, в Чикаго, когда погиб Маркес Гейнс, властелином улицы чувствовал себя Человек в зеленой толстовке. Он шагал по тротуару, рассматривая всех на своем пути как добычу. И ждал, что кто-нибудь его спровоцирует. Посмотрите ему в глаза. Пройдитесь по улице так, чтобы его разозлить. И будьте готовы к миру боли.

У Мишель имелись только наброски ее злодея. Наброски человека в маске. Призрака. Человек в зеленой толстовке, напротив, был абсолютно конкретным, его образ навсегда сохранился на видео.

Всякий раз, когда меня спрашивают, почему я пишу только о нераскрытых убийствах, я всегда отвечаю одно и то же: ненавижу парня, которому это сошло с рук. После смерти Мишель все изменилось. Теперь я стал ненавидеть преступника за то, что он забирает жизни живых столь же эффективно, как и жизни мертвых. Семьи жертв. Следователи. Волонтеры. Все они отдали гигантские части собственной жизни, чтобы найти ответ, кем-то эгоистично сокрытый.

Люди умирают, не получив ответа.

В качестве журналиста, который специализируется на нераскрытых делах, я каждый день открывал письма от членов семьи, отчаянно нуждающихся в правосудии. Некоторые желали знать, кто убил их сына. Другие – где похоронена их дочь. Отдельные люди просто хотели поговорить. Поскольку все остальные перестали их слушать, они пришли ко мне, и я старался помочь каждому из них. Только вот все истории, которые я зафиксировал – диджей, застреленный в канун Нового года в квартире в Майами, девушка-хиппи, пропавшая на полях марихуаны в Северной Калифорнии, шведская няня, найденная разрезанной пополам в бостонском мусорном контейнере, – обладали одной общей чертой: у них не было конца. Убийцы скрывались. Пропавшие так и остались пропавшими. Злодей с тысячью лиц продолжал становиться сильнее. Теперь, когда я смотрел на экран компьютера, Человек в зеленой толстовке был очередным новым лицом в этой подборке.

Я снова и снова смотрел видео, и мой гнев нарастал с каждым повтором. После десятого просмотра я принял решение. На этот раз все будет по-другому. Я собирался закончить историю Маркеса Гейнса.

Я собирался сам раскрыть преступление.

Глава 1

Бам! Бах! Визг! Убит!

Лонг-Айленд, 1977 год

– Они его поймали, – сказал мне папа.

Он только что вернулся с работы, но не стал подниматься вверх, чтобы смыть краску и пыль, как делал это каждый день. Нет, сегодня все было по-другому. Папа развернул первую полосу «Ньюсдей» – таблоида, который в те дни доставляли почти в каждый дом на Лонг-Айленде, и поднес газету к моему лицу. На ее обложке был бледный, с безжизненным взглядом мужчина в грязной рубашке с воротничком. Большинство пуговиц расстегнуто, под рубашкой виднелась белая футболка.

– Это он, – произнес отец. – Убийца с 44-м калибром.

Я пару секунд изучал лицо мужчины, затем сморщил нос и сказал:

– Он похож на индейку.

Это и было мое первое высказывание о преступнике: «Он похож на индейку».

Тем летом мне исполнилось пять. В моей ультрагородской семье среднего класса борьба за внимание была зубодробительным делом между «Звездными войнами», Реджи Джексон и отключением электричества в Нью-Йорке. Две мои старшие сводные сестры вступали в подростковый возраст с плакатами Лейфа Гаррета на стенах и глазами, горящими от диско-клубов, подобных «Студии 54», где они надеялись когда-нибудь потанцевать. Мой отец уже три года владел собственным бизнесом по покраске домов, а мама просто пыталась собрать всех вместе и усадить за обеденный стол, чтобы мы съели еще одно ее творение из кулинарной книги Макколла.

Однако тень убийцы с 44-м калибром нависла над всем.

В течение предыдущих двенадцати месяцев убийца наносил удары по отдаленным районам города: убил шестерых и ранил семерых из фирменного мощного пистолета. Полиция Нью-Йорка была вовлечена в самый масштабный розыск в истории. Маньяк дразнил их письмами. «Я Монстр – Вельзевул – Тучный бегемот, – писал он. – Я люблю охотиться. Рыскать по улицам в поисках честной дичи – вкусного мяса». И все же полиция до сих пор не могла поймать его.

Девочки перекрашивали волосы в светлые тона (почти все жертвы убийцы с 44-м калибром были брюнетками), а мальчиков предупреждали, чтобы они не водили подружек на аллеи влюбленных – излюбленные «охотничьи угодья» маньяка. Мои сестры еще недостаточно повзрослели, чтобы ходить на дискотеки, но я помню, как они были напуганы. Я помню, что мы все были напуганы.

Наш пригородный кусочек рая, угнездившийся посреди двухэтажных домов, примыкающих к знаменитым подразделениям Левитта, построенным для солдат, вернувшихся со Второй мировой войны, раскололся. По большей части у меня остались лишь смутные воспоминания о том времени. Например, как я жду у двери, забранной сеткой от насекомых, возвращения папы с работы. Игрушечные фигурки в детском магазине Toys «R» Us. Песня «Не разбивай мне сердце» Элтона Джона и Кики Ди, доносящаяся из жестяных динамиков нашего светлого автобуса «Фольксваген». Все эти воспоминания – нечеткие, выцветшие, туманные снимки в моем сознании.

Впрочем, в цвете вспоминается 11 августа 1977 года, то есть следующий день после того, как поймали Сына Сэма, убийцу с 44-м калибром, – Дэвида Берковица. Я помню первую полосу газеты с огромными буквами: «МЫ ЕГО ПОЙМАЛИ», кричащими в верхней части

первой страницы. Это был *тот самый* парень, который убивал людей. Парень, который думал, что преступления навсегда сойдут ему с рук, но полицейские все равно его взяли.

Что мне запомнилось лучше всего, так это странное чувство облегчения во всем моем доме, во всем городе. Это были не куклы «Мuppetс» и не супергерои. События происходили по-настоящему. Хаос вернулся к порядку. В мире все наладилось.

Мне нравилось это чувство.

* * *

Мой отец никогда не уклонялся от того, чтобы рассказать мне о чем-либо. Казалось, в нем под три метра росту, бицепсы размером с футбольный мяч, яркие светло-голубые глаза и усы, заставлявшие окружающих думать, что он полицейский (а в действительности папа не любил полицейских). Дебошир и драчун, грудь как бочка, он сбежал из дома в пятнадцать, отсидел срок за то, что ударил по физиономии детектива, позже подсел на героин, но смог вытащить себя из бездны и превратиться в трудолюбивого семьянина.

Каждый день после школы я проводил время один в подвале, в компании Чубакки, Солдата Джо и Человека на шесть миллионов долларов. Я ждал, когда папа вернется домой. Он прибывает в районе пяти вечера, покрытый пылью от шлифовки свинцовой краски с домов богатых людей в Грейт-неке или в Гарден-сити, быстренько примет душ, откроет пиво «Будвайзер», может, выпьет «Дарвон»³, если голова разрывается от мигрени, упадет в кресло и возьмет «Ньюсдей». В шесть вечера телевизор был настроен на седьмой канал, на программу «Новости очевидцев ABC». Папа читал газету от корки до корки, новости с экрана шли фоном, и он отвлекался от прессы, чтобы поверх газеты взглянуть на наш шестидесятисантиметровый телевизор марки RCA, если ведущий Роджер Гримсби говорил нечто, его интересующее.

Я сидел на ковре, разыгрывал приключения с фигурками и машинками «Мэтчбокс»: *Скри-и-и-и-и-и! Бац! Бах! Бам! Бам! Бам!*

Мои звуковые эффекты были громче, чем нужно. С каждым «бац!» я поднимал глаза, поглядывая, смотрит ли на меня отец сверху вниз. Иногда смотрел, но большую часть времени он был глубоко погружен в некую историю. Обычно криминальную. Когда он бросал взгляд на меня, то пересказывал маленькие кусочки информации, то есть вбивал в мой мозг невыдуманные жертвы и злодеев наряду со Скуби-Ду и Чудо-близнецами.

«Билли, глянь на этого парня», – сказал он однажды и показал фотографию Джона Пью, тринадцатилетнего мальчика – разносчика газет, которого нашли забитым до смерти в лесу за начальной школой Догвуда в Смиттауне. Вскрытие показало, что Пью подавился камешками, которые ему засунули в горло.

– Посмотри-ка на этих больных ублюдков, – говорил он в другой день и показывал мне пятерых бандитов, которые ворвались на вечеринку в Плейнвью, изнасиловали двух женщин, помочились на гостей и сбежали с восемью тысячами долларов наличными и драгоценностями, а затем ворвались в закусочную «Сикрест» на Глен-Коув-роуд. Там они приказали посетителям раздеться и заставили некоторых заняться сексом друг с другом.

– А теперь смотри на этого чертова парня, – сказал отец через несколько лет после этого и указал на Рики Кассо, парня с безумным взглядом. Семнадцатилетний наркоман по прозвищу Кислотный Король убил своего друга Гэри Лоуэрс душной июньской ночью в лесу Нортпорта. Кассо закричал: «Скажи, что любишь Сатану», обращаясь к Лоуэрсу, когда ударил его ножом. «Я люблю свою мать», – захныкал в ответ Лоуэрс.

Истории разворачивались каждый день – от шока, вызванного преступлением, до стремительной охоты на человека, удовлетворения от ареста и разочарования в суде. Я сидел на

³ Наркотический анальгетик.

ковре между отцом и телевизором, прикованный к нему. Каждая из историй отличалась поучительностью. «Запомни это», – говорил папа и показывал мне фотографию из газеты.

Уроки, которые я усвоил:

– На Джона Пью напали четверо мальчишек, с которыми он столкнулся, когда они крали раму для минибайка. Парни подумали, что Джон собирается донести на них, поэтому напали на мальчика и запихали камни ему в горло, чтобы заглушить крики разносчика газет. Урок моего отца: *«Не лезь не в свое дело, но если ты собираешься вмешаться, убедись, что никто не сможет тебя вычислить»*.

– Пятеро бандитов, превративших закусочную в комнату для изнасилований, сбежали с Лонг-Айленда только для того, чтобы по-дурацки вернуться и сдаться. Почему? Просто в той закусочной были отдельные члены семьи некоторых мужчин, с кем бандиты имели дело. Они узнали личности налетчиков и отправили им сообщение через друзей и семью: возвращайтесь на Лонг-Айленд, или ваши семьи будут мертвы. Урок моего отца: *«Толпа может схватить тебя, даже если ты сбежишь. Не связывайся с толпой»*.

– Рики Кассо оказался не одержимым сатанистом, а торговцем кислотой, и убил Лоуэrsa из-за неудачной сделки с наркотиками. Урок моего отца: *«Будь осторожен с теми, с кем общаешься... и не принимай кислоту»*.

У меня не было подкастов или документальных фильмов, рассказывающих о самых ужасных преступлениях той эпохи. Меня обо всем информировал папа.

Глава 2

Тело в бочке

Нью-Йорк, 1999 год

Звонок раздался в субботу утром. Семь утра. Голос на другом конце провода был бодрым.
– Вы работаете?

Да.

Я всегда работал.

Мне нужны были деньги. Любые деньги, до которых я мог бы легально добраться. Прошло шестнадцать месяцев с тех пор, как родилась моя дочь. Пятнадцать месяцев назад умер мой отец. Двенадцать месяцев прошло с тех пор, как я подписал тридцатилетнюю ипотеку на крошечный дом в районе рядом с хорошей школой. Мой первый год абсолютно взрослой жизни – 1999-й. Отчаявшийся, незащищенный взрослый мужчина, который не мог позволить себе отказаться от любой возможности заработать деньги.

– Что вы хотите мне предложить? – ответил я с закрытыми глазами.

– Сайоссет. Семья только что переехала в дом, – произнес человек. – Они убрали какой-то хлам в подвале и нашли двухсотпятидесятилитровую бочку. Семья открыла ее, и внутри оказалось тело.

Голос принадлежал редактору отдела «Метрополитен» газеты «Нью-Йорк таймс». Я только начал получать эти звонки. «Таймс» по выходным не хватало сотрудников, и изданию нужны были стрингеры⁴ – узнавать подробности о последних новостях. Газеты наняли нас, писак, чтобы мы занимались беготней. Мы не прикасались к клавиатуре. Вся информация находилась в записной книжке. Опросите соседей, опросите источники, «разукрасьте» историю в определенный цвет. А потом позвоните в газету и попросите переписать. На другом конце провода был репортер-ветеран, собиравший всю информацию и создававший историю. Джон Манчини, редактор на моей дневной работе, где я писал о хоккейных боях, местных панк-группах и семинарах по рэйки для «Голоса Лонг-Айленда», знал, что мне нужны деньги, и за двадцать долларов в час покупал много наводок. Он дал мой номер бывшему коллеге в «Таймс» и отпустил меня с тремя словами наставления: «Точность, точность, точность».

Раньше я уже освещал истории для «Таймс». Торнадо на Норт-Форк. Обезьяна, украденная из зоомагазина.

В это субботнее утро все было по-другому. Я получил звонок, на который так надеялся. Я собирался рассказать об убийстве. Моем первом убийстве.

Я постучал в дверь двухэтажного дома в Сайоссете. Когда дверь распахнулась, по выражению лица человека я понял, что Хамид Тафагоди, мужчина, который только что передал 455 тысяч долларов за «американскую мечту» на Форест-роуд, был недоволен неоспоримыми «удобствами» в подвале дома.

Он убирал хлам, оставленный предыдущими владельцами, – проволочные вешалки, картонные коробки и детскую игрушку, стоявшую на обочине перед домом. Затем Хамид заметил бочку под гостиной. Она оказалась тяжелой. Мужчина велел продавцу дома убрать бочку. Рональд Коэн приказал грузчикам выкатить ее на улицу, но мусорщики не взяли бочку, сказав, что в ней могут находиться токсичные отходы. Рональд еще не подозревал, что отказ, по всей вероятности, был началом переговоров и несколько двадцатидолларовых купюр могли бы избавить его от дальнейшей проблемы, и пока лишь смотрел, как отъезжает мусоровоз. Коэн

⁴ Стрингеры – ценные сотрудники, как правило внештатные, снабжающие прессу материалами.

сидел рядом с агентом по недвижимости. Он взял отвертку и открыл крышку. Внутри мужчина увидел ботинок. Потом руку. Затем Рональд Коэн позвонил в полицию.

К тому времени, как я добрался туда, домовладелец уже отошел от потрясения, но устал и не готов был к разговору. Однако для этой истории мне требовались цитаты, поэтому я начал расспрашивать соседей.

– Вы знали людей, живших в этом доме раньше? Вы когда-нибудь имели с ними дело? Вы когда-нибудь подозревали, что нечто подобное может произойти на вашей улице?

Я собрал достаточно сдержанные воспоминания от перепуганных жителей.

– Я просто не могу понять, как подобное могло оставаться незамеченным так долго, – произнес один из них. – Неужели никого не объявляли пропавшим без вести? Разве тело не будет пахнуть?

Я нашел телефон-автомат, набрал номер полицейского управления округа Нассау и через три перевода звонка заговорил с детективом, ведущим это дело. Детектив сообщил мне, что бочку нашли в подвале под гостиной. Тело в бочке принадлежало молодой женщине. Оно хорошо сохранилось. Помимо вещей женщины, включавших пальто из искусственного леопарда и записную книжку, там были гранулы красителя, который, как выяснила полиция, использовался при изготовлении пластиковых цветов. Гранулы заполнили пустые воздушные карманы в бочке. Вместе с герметичной крышкой это привело к мумифицированию тела женщины.

– Есть какие-нибудь предположения о том, как она умерла? – поинтересовался я.

– Мы пока ничего не готовы заявлять, – отметил детектив. – Возможно, позже у меня будет для вас что-нибудь еще.

Мой блокнот был наполовину заполнен. Я позвонил в «Таймс» и попросил переписать, но на этот раз никого не было.

– Гм... Ну... – Я колебался, а потом спросил редактора: – Могу я это написать?

– Да, – ответил он. – Нам нужно к трем.

Я пробежал больше двенадцати километров до дома моей мамы в Уэстбери и сел в кресло отца в тесном офисе, который он оборудовал в гараже. Договоры на покупку-продажу домов, которые он не успел покрасить, висели на пробковой доске позади меня. Договоры были написаны его почерком, и у мамы рука не поднималась их снять.

У меня были записи о собственности и номера телефонов последних трех человек, которые ранее владели домом с мертвым телом в подвале. Я взял старый отцовский бежевый телефон и набрал номер первой семьи в списке. Ответила женщина.

– Извините, я не могу сейчас говорить, – предупредила она после того, как я объяснил женщине, зачем звоню. – Здесь полиция.

Переходим к следующему.

Я набрал номер следующего имени в моем списке. Ответа не последовало.

Переходим к следующему.

Последний номер принадлежал первоначальным владельцам. Они купили этот дом в 1957 году, совершенно новым, когда Лонг-Айленд перешел от традиционного жилья, так называемых домов Левитта, к двухуровневым: гараж и общий зал на нижнем уровне; кухня, гостиная и столовая на среднем этаже и спальные помещения на верхнем. Эта семья жила в доме пятнадцать лет и переехала в 1972 году.

Код города принадлежал Бока-Ратон, штат Флорида. Я набрал номер, и мне ответил мужчина.

– Здравствуйте, – начал я. – Могу поговорить с мистером Говардом Элкинсом?

– Слушаю.

– Это Билл Дженсен из «Нью-Йорк таймс».

– Правда?

– Причина, по которой я звоню, заключается в том, что кто-то купил ваш старый дом в Сайоссете, на Лонг-Айленде.

– Да что вы говорите!

– Во время уборки дома новые хозяева нашли бочку, открыли и обнаружили там тело.

– Вы шутите, – усмехнулся Элкинс, растягивая последнее слово. – Вы шу-у-у-тите.

– Нет, – отрезал я.

Я зачитал Говарду подробности, которые узнал от детектива:

– Тело принадлежало женщине с длинными черными волосами. У нее был рост около 140 сантиметров и вес 27 килограммов, со временем женщина как бы усохла, и лаборатория позже предположила, что при жизни у нее был рост около 155 сантиметров и вес 43 килограмма.

Я сделал паузу, поскольку ожидал от него какой-либо реакции. И продолжил:

– На ней была юбка, кофта на пуговицах, гольфы и туфли на среднем каблучке. Рядом с ее телом в бочке, в которой остались следы красителя, использовавшегося для изготовления искусственных цветов, лежало пальто из искусственного леопарда.

Я вновь подождал. Мужчина хранил молчание. Я не сбавлял обороты.

– На шее у нее висел медальон с надписью «Патрис, люби дядю Фила», и на женщине было обручальное кольцо с надписью «М. Х. Р. XII 59».

Я сделал последнюю попытку.

– Что-нибудь из этих деталей вам знакомо? – спросил я.

– Нет, – заключил Элкинс.

– Где располагался подвал? – спросил я. Мне хотелось направить разговор ближе к дому и попытаться заставить Говарда отвечать менее односложно.

– Мы построили комнату рядом с кухней в задней части дома, – объяснил он. – Большая берлога с камином. Комната располагалась на уровне гостиной и кухни, так что там и был подвал. ...Невероятно, – добавил мужчина, растягивая середину слова: – Не- ве-е-е-роятно. Когда это было? – спросил он. – Когда случилось?

– Вчера, – ответил я.

Я объяснил Говарду Элкинсу, что в дом переехал человек, нашел бочку и велел предыдущему владельцу избавиться от нее. Потом продавец и агент по недвижимости открыли бочку, увидели руку и туфлю.

– Невероятно, – лишь повторил мой собеседник.

– У вас есть какие-нибудь идеи, как это могло туда попасть?

– Нет, – произнес Говард.

– Вы когда-нибудь заходили в подвал? – спросил я.

– А зачем? – ответил вопросом на вопрос Элкинс.

Такой странный ответ заставил меня сделать паузу, но не очень долгую. Мне еще предстояло узнать силу неловкого молчания. Вы приучены заполнять пробелы в разговоре как личность, но как репортер вы позволяете последнему слову задержаться. Зависнуть в тишине, поразить и оказать свое воздействие. В ожидании встречи с истиной. Мне следовало позволить слову задержаться, но в тот момент я не знал, что, черт возьми, делаю.

– Кто мог проникнуть внутрь? – спросил я.

– Кроме садовников, ландшафтных дизайнеров и подрядчика, который сделал пристройку, я не могу вспомнить никого, кто имел доступ к дому, – заметил Говард. – Горничные служили у нас на протяжении многих лет.

Я поблагодарил бывшего владельца дома за потраченное на разговор время, повесил трубку и открыл ноутбук, чтобы зафиксировать историю. Я уже был готов отправить ее в «Таймс», когда мне позвонил детектив.

– Женщина была на большом сроке беременности, – объяснил он мне.

Теперь это было двойное убийство.

Пропавшая беременная женщина стала бы главной темой шестичасовых новостей. Кто-нибудь когда-нибудь искал ее?

Я снова набрал номер Элкинса. Он не ответил.

Я яростно продолжил печатать новые детали истории. Я отметил, что бочка была сделана в 1963 году «и первоначально содержала пигменты, используемые для окрашивания пластика и красок, которые больше не производились после 1972 или 1973 года». Это, по крайней мере, дало хронологии убийства дату окончания.

Я отправил статью по электронной почте редактору и позвонил ему, чтобы подтвердить получение материала.

– Он у вас, – сказал я и добавил: – Кроме того, я знаю, что на моих чеках написано «Уильям Дженсен», но я пишу под именем Билла Дженсена.

– Мы не даем подписи стрингеров, – охладил мой пыл редактор. Он извинился. Заголовок будет гласить: «От «Нью-Йорк таймс»».

Моего имени там не появится, но я только что написал первую статью об убийстве.

Я развернул кресло отца и устался на его договоры, приколотые к стене. Каждый день с тех пор, как он умер, происходило что-то, вызывавшее у меня желание снять трубку и рассказать отцу об этом. В тот день это чувство стало сильнее, чем когда-либо. Я практически слышал, как папа хвастался моей историей перед всеми ребятами из его команды.

На следующий день я купил пять экземпляров «Таймс». Было воскресенье, и мне пришлось охранять их обеими руками.

Заголовок гласил: «**НОВЫЙ ДОМОВЛАДЕЛЕЦ НАХОДИТ ТЕЛО БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ В БОЧКЕ**».

Через шесть дней после публикации этого материала Говард Элкинс вошел в гараж друга с недавно купленным дробовиком. Он забрался во внедорожник и снес себе голову.

Мой телефонный звонок высветил тридцатилетнюю тайну Элкинса. Через пять дней после того, как моя история вышла в свет, детективы отдела по расследованию убийств округа Нассау нанесли Говарду визит в его жилище пенсионера в Бока-Ратоне. Они задали Говарду Элкинсу вопрос о пластиковых цветочных гранулах. О доме. О бочке. Элкинс сказал, что не знал, что она там. Детективы даже спросили Говарда, был ли у него когда-нибудь роман с женщиной. В конце концов он признался, что был.

– Как звали эту женщину? – поинтересовались они. Элкинс попробовал закончить разговор и заметил, что не помнит ее имени. – Как она выглядела? – надавили детективы. Мужчина не мог вспомнить. И вот тогда Говарда Элкинса спросили, почему его номер телефона обнаружился в адресной книге, найденной рядом с телом женщины. Тот сказал, что понятия не имеет. Детективы попросили образец ДНК, чтобы сравнить его с плодом в бочке. Элкинс отказался. Они ушли, не арестовав Говарда. Они сказали ему, что он – подозреваемый и что они с ним свяжутся.

После моего звонка Элкинс начал копать себе могилу. Визит детективов фактически забил последний гвоздь в его гроб.

История убийства развернулась в последующие недели. Двухсотпятидесятилитровая бочка была изготовлена в Линдене, штат Нью-Джерси, в период с марта 1963-го по октябрь 1972 года. Надпись на ней свидетельствовала о том, что ее доставили в компанию по производству синтетических цветов «Мел-роуз Пластик», совладельцем которой был Говард Элкинс.

Затем криминалисты сосредоточились на адресной книге, найденной вместе с телом. Они использовали инфракрасный свет, с помощью которого можно расшифровать углубления или выцветшие символы на странице, и обнаружили серию цифр, написанных на первой странице. Эти номера соответствовали грин-карте регистрации иностранцев, которая, как показал обыск, принадлежала сальвадорской иммигрантке по имени Рейна Анжелика Маррокин, работавшей в «Мелроуз Пластик» в 1969 году.

В книге были также записаны выцветшие слова, которые лаборанты не смогли разобрать, и номер телефона женщины по имени Кэти Андраде. Детективы нашли Андраде, и она выложила историю от начала и до конца. У ее подруги Рейны был роман с боссом, мужчиной по имени Говард Элкинс. Однажды Рейна позвонила Андраде и сказала, что ей страшно. Рейна добавила, что рассказала жене Элкинса об этом романе и что Говард разозлился. После того телефонного звонка Андраде больше никогда не слышала о Рейне.

Говард Элкинс убил Рейну и засунул ее тело в одну из сотен бочек, к которым у него был доступ в «Мелроуз Пластик». Может, он подумывал о том, чтобы вывезти ее на лодке и выбросить в океан. Однако в одиночку бочку поднять было невозможно. Когда ее обнаружили, она весила больше 150 килограммов, и весила еще больше сразу после смерти Рейны. Поэтому Элкинс решил закатить ее под дом и оставить тело под гостиной. Затем Говард и его семья жили над трупом Рейны в течение трех лет. Он смотрел телевизор, читал газету, пил кофе. Говард Элкинс отмечал праздники и дни рождения, и все это над трупом женщины, с которой у него был роман. Она забеременела и была убита.

Элкинс жил с этой тайной тридцать лет. Я подумал, как кровь, должно быть, отлила от его лица, когда я произнес:

– Они нашли бочку. Открыли ее и внутри обнаружили тело.

Тело Рейны было отправлено обратно в Сальвадор. Детективы продолжали изучать записную книжку Рейны, и криминалистическая лаборатория наконец смогла расшифровать эти выцветшие слова. Они читались как: «Не сердись, я сказала правду».

Однажды было найдено тело. На следующий день я поговорил с убийцей. Он признал вину в течение недели выстрелом из дробовика в голову.

Разгадки никогда больше не будут такими легкими.

* * *

Каждые выходные мне приходилось освещать в «Таймс» очередное преступление: поножовщину на школьном футбольном матче. Копы, пристрелившие Амаду Диалло, возвращаются домой после оправдательного приговора. Я приближался к тому, чтобы стать одним из криминальных репортеров, которых мой отец читал каждый день после работы. Я работал достаточно хорошо, поэтому, когда редактор «Нью-Йорк пост» спросил Манчини, есть ли кто-нибудь, кто мог бы помочь ему по ночам и выходным, тот снова предложил меня. Я собирался работать на короля бульварной преступности. В газете, стоящей за безжалостным освещением Берни Гетца⁵, убийства Роберта Чемберса⁶, в газете, опубликовавшей самый известный заголовок в истории преступности: «ОБЕЗГЛАВЛЕННОЕ ТЕЛО В ТОПЛЕС-БАРЕ».

* * *

Мое первое назначение для «Пост» все изменило.

– Нам нужно, чтобы вы отправились в больницу Стоуни-Брук, – произнес голос в трубке.

Две девочки-подростка ехали по округу Саффолк, перед ними засигналил закрывающийся железнодорожный переезд. Девочка за рулем решила испытать судьбу и объехать шлагбаум. Она не успела, и поезд врезался в их машину. Подруги были доставлены в больницу в критическом состоянии. «Пост» хотел услышать их историю.

⁵ Бернард Гетц – американец, ставший известным из-за судебного скандала, ставшего спором об условиях самозащиты в жизни.

⁶ Роберт Чемберс – американский преступник, названный «Убийцей преппи» после удушения 18-летней Дженнифер Левин.

Я выключил недавно купленный мобильный, вошел в приемную скорой помощи и сразу увидел мать и отца одной из девочек. Они были единственными, кто плакал. Я присел на минуту, пытаясь придумать, что я им скажу. Наконец подошел и опустился на колени рядом с мужчиной.

– Здравствуйте, – начал я едва ли не шепотом. – Я Билл Дженсен из «Нью-Йорк пост». Мне очень жаль. Могу я задать вам несколько вопросов?

Отец девочки поднял голову и посмотрел на меня самым сокрушенным взглядом, который кто-либо когда-либо бросал на меня. Затем он покачал головой.

Я нашел в вестибюле телефон-автомат и позвонил в газету.

– Семья не хочет давать интервью, – объяснил я.

Голос на другом конце провода не колебался.

– Иди и спроси их еще раз.

Щелчок.

Я положил трубку обратно на рычаг и отправился бродить по коридорам больницы, как мне показалось, несколько дней. Я пытался собраться с духом, чтобы вернуться в эту палату. Если бы в больницах были бары, я бы выпил. Через пятнадцать минут я снова подошел к мужчине и женщине.

– Мне очень жаль, но мы просто пытаемся получить некоторую информацию. Как вы думаете, мы могли бы поговорить?

Женщина посмотрела на мужчину, а мужчина посмотрел на меня так же, как и раньше. Я подождал немного, а затем быстро выбрался оттуда. Я перезвонил в «Пост».

– Извините, но они и впрямь не хотят...

Сотрудник прервал меня.

– Все в порядке, – успокоил он. – Мы только что получили досье на девушку. Оно длиной километра в полтора. Все нормально.

Щелчок.

Я повесил трубку и вышел из больницы. Я заработал самые позорные сорок долларов, которые когда-либо зарабатывал в жизни. Я даже не знаю, пережили ли девочки ту ночь. Я заковылял домой, и вдруг что-то булькнуло у меня внутри: «Я не об этом мечтал». Я собирался стать репортером криминальной хроники, писать статьи о дурных происшествиях, которые случаются с людьми, но ничем не мог им помочь. В этот момент я все понял. Я хотел писать истории, которые действительно помогли бы изменить ситуацию. Думал, что попытаюсь раскрыть убийства. Мне хотелось вернуть конкретное чувство. Чувство, которое я испытал, когда был ребенком и отец показал обложку газеты с заголовком «МЫ ЕГО ПОЙМАЛИ» о захвате убийцы с 44-м калибром. Ощущение раскрытия преступления. Я хотел, чтобы в этом хаосе присутствовал хоть какой-то порядок.

Я тут же принял решение: буду писать только о нераскрытых преступлениях.

Глава 3

Убийство в тени

Бруклин, 2002 год

«Голос Лонг-Айленда» закрылся в 2000 году, что предшествовало концу работы многих других газет. После того как я два года проработал редактором в профессиональных журналах, позвонил Робби Воливер, бывший музыкальный редактор «Голоса». Он основывал новую газету – что-то неслыханное после краха 2000 года. Инвестор у него был, и ему требовалось создать штат сотрудников. Воливер хотел, чтобы я стал его главным редактором. Меня взволновала перспектива вновь делать новости.

Мы взяли за основу «Айленд ир» – бесплатную музыкальную и развлекательную газету, выходящую раз в две недели, которую можно было купить в «Северн-Элевен» и в барах на Лонг-Айленде, но собирались сосредоточиться не только на искусстве и музыке. Мы хотели превратить эту газету в злободневное новостное издание с нелицеприятными историями, и нам нужно было произвести большой фурор. Мне поручили найти одного жителя Лонг-Айленда, который, как мы знали, попадет в заголовки газет. Жителя Лонг-Айленда, стоявшего выше в гугл-запросах, чем Тедди Рузвельт и Уолт Уитмен.

После серии телефонных звонков и бесед с его адвокатом мы с Воливером оказались за ужином с Эми Фишер, настоящей «Лолитой Лонг-Айленда». В 1992 году, еще подростком, Фишер заработала всемирную известность, когда выстрелила в голову Мэри Джо Буттафуоко, жене своего тридцатишестилетнего любовника. Фишер вышла из тюрьмы после отбывания семилетнего срока, и Мэри Джо простила ее. Тем временем Джоуи Буттафуоко, человек, оказавшийся в центре этой настоящей криминальной драмы, попал в тюрьму за изнасилование шестнадцатилетней старшеклассницы. Эта история заворожала нацию. Мы хотели знать, заинтересует ли Эми возможность написания колонки о моде для газеты. В первом интервью после тюрьмы она сказала Мэтту Лауэру, что хочет работать в индустрии моды.

Готовясь к встрече, я купил кучу модных журналов. Мне очень хотелось отыскать идеи для колонки Эми Фишер. Я изучал прессу и делал заметки. Несколько часов я провел с *Vogue*, *Harper's* и даже *Women's Wear Daily*, поэтому посчитал себя достаточно подготовленным для обсуждения этой идеи и был готов уйти с ужина с новым обозревателем моды, чье имя попадет в заголовки газет. Прежде чем подали закуски, Эми сказала нам, что не хочет писать о моде. Женщина хотела писать о преступлениях. Мы с Воливером посмотрели друг на друга и улыбнулись. Ее первая история, в которой она объяснила, почему застрелила Мэри Джо, была опубликована в «Нью-Айленд ир». Новостные агентства со всего мира возвещали о возвращении и восстановлении доброго имени «Лолиты Лонг-Айленда». Именно ее материал представил нашу газету миру.

Следующей большой проблемой нашей редакционной коллегии стала первая годовщина 11 сентября.

Теракты 2001 года являются самым анализируемым преступлением в американской истории. В «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» работали группы репортеров, которые выясняли, кем были воздушные пираты, как они попали в страну и где прошли обучение. Канал CNN сосредоточился на Усаме бен Ладене и неизбежной войне, последовавшей за нападениями. Каждая местная газета искала местных угонщиков самолетов, посещавших летную школу в Финиксе, питавшихся в пиццерии «Пицца Хат» и покупавших канцелярские ножи в штате Мэн. Каждое новостное издание посвящало несколько недель освещению годовщины самого ужасного массового убийства в американской истории.

Я должен был найти могильщика.

Эту фразу произносит любой редактор любому репортеру, когда они ищут свежий взгляд на хорошо освещенную историю. Так случилось, когда орды репортеров обрушились на Вашингтон, на похороны президента Кеннеди после того, как президента убили в ноябре 1963 года. Все они рассказывали одну и ту же историю, за исключением репортера «Нью-Йорк геральд трибюн» Джимми Бреслина. Бреслин решил пересказать историю Клифтона Полларда, человека, копавшего могилу президента на Арлингтонском национальном кладбище. Он представил мрачную историю о трудяге, которому была поручена финальная задача после одного из самых печально известных убийств в истории.

Я нашел своего «могильщика» 11 сентября в истории Хенрика Сивяка. Сорокашестилетний мужчина потерял работу в Польше. Из-за развала экономики страны и уровня безработицы в пятнадцать процентов найти другую работу было невозможно. У Хенрика были жена и двое детей, один из которых готовился к поступлению в колледж. Сивяк приехал в Нью-Йорк осенью 2000 года и брался за любой труд. Все заработанные деньги он отправлял семье.

Утром 11 сентября 2001 года Сивяк рыскал по центру Манхэттена в поисках работы, когда два самолета врезались в башни Всемирного торгового центра. Хенрик продолжал отвечать на объявления о вакансиях и обзванивать предприятия даже после падения башен. Когда он понял, что в этом хаосе ему не предложат никакой работы, польский иммигрант пересек один из мостов, соединяющих Манхэттен с Бруклином, и вернулся в квартиру на Бич-стрит в Рокуэе, Квинс. Затем он позвонил жене и сыну домой, в Польшу.

– Я в порядке, – успокоил семью Хенрик Сивяк, а потом рассказал, как увидел, что один из самолетов влетел в башни. Хенрик услышал грохот, когда здания рухнули.

В 23:42 вечера на очаровательной, обсаженной деревьями улице в шести милях от торгового центра польский гражданин упал на землю с пулей в груди.

В Нью-Йорке 11 сентября было убито 2997 человек. Общество и власти знают, кто убил 2996 из них.

Через год после убийства Сивяка я отправился в Рокуэй-Бич и сел за кухонный стол в ярко-розовой квартире Лучаны Сивяк, сестры Хенрика. По телевизору показывали мыльную оперу, а на столе перед ней лежало свидетельство о смерти брата.

Лучана объяснила мне, что, когда Хенрик потерял работу инспектора Польской национальной железной дороги и принял решение отправиться в Америку, он поселился в том же районе Рокуэй, что и Лучана. Женщина приехала в США шесть лет назад, после того как обанкротился ее магазин здорового питания. Ее брат оставил жену и детей в Польше и отправился в Новый Свет.

– Он видел здесь возможности для себя, – добавила Лучана. Ее английский поддерживался портативным цифровым переводчиком, который женщина положила на стол рядом со свидетельством о смерти Хенрика.

Несмотря на лихорадочный интерес к науке, Хенрик не смог поступить в колледж после окончания средней школы. Вместо этого он получил диплом технического училища. Сивяк женился на ученой по имени Ева, которая теперь преподавала биологию в средней школе. У пары были одиннадцатилетний сын и девятнадцатилетняя дочь, собиравшаяся поступать в колледж в следующем году.

Я позвонил Еве в Краков, в Польшу.

– Он потерял больше чем одну работу, – сказала женщина почти со смехом. Ева сказала, что Хенрик «решил попробовать что-то другое» и уехал в Америку после того, как лишился поста инспектора.

Даже с учетом языкового барьера его план по обеспечению семьи сработал. Сивяк брался за случайные заработки и временно трудился на стройке, придерживаясь определенной схемы. Он зарабатывал около тысячи долларов каждый месяц и половину отправлял семье.

– Вы видели по телевизору новости о нападениях? – спросил я у Евы.

– О, это было ужасно, – воскликнула Ева. Она смотрела новости вместе с сыном. – Мы думали о нашем муже и отце [Хенрике].

11 сентября они два часа находились в напряженном ожидании, до тех пор пока Хенрик не вернулся в квартиру и не позвонил им.

– Мы были в тот момент счастливы, – прибавила Ева. Подобно многим жителям Нью-Йорка, Сивяк только видел, как самолет врезался в башни, но все еще не знал о масштабах происшествия. Скоординированные атаки на Нью-Йорк, Пентагон и катастрофа в сельской Пенсильвании означали, что страна подверглась нападению. Ева ввела его в курс дела. Сивяк утешил сына.

Лучана рассказала мне, что поздним вечером 11 сентября, когда Сивяк находился в квартире, ему позвонили. Позвонили в ответ на его звонок по объявлению о поиске помощника, размещенному в нью-йоркской польской газете «Супер Экспресс»: «Мужчины для уборки магазинов в Бруклине и Квинсе. Английский не требуется».

Агентство по трудоустройству, разместившее объявление, пригласило Хенрика Сивяка на встречу с мужчиной по имени Адам в белой машине в районе супермаркета «Патмарк» на Олбани-авеню, 1520, в Бруклине.

Поскольку Сивяк никогда не встречался с этим человеком, он сказал собеседнику, что на нем будут его любимое пальто, камуфляжная армейская куртка с брюками в тон, которые он купил в местном магазине.

– Ему очень нравилась эта одежда, – сообщила мне Лучана. – Она была очень удобной.

В момент, когда весь город был на взводе и в хаосе, никто не знал, стоит ли ждать серию взрывов автомобилей к утру или химическую атаку в полночь, Хенрик вышел за дверь.

Он никогда раньше не бывал в этой части Бруклина, к тому же транспортная система большей частью была перекрыта, но одна из соседок рассказала польскому иммигранту, как добраться, и он отправился на новую работу.

На следующий день его сестре позвонили из полиции. Тело Хенрика было найдено на Декейтер-авеню в Бедфорд-Стайвесанте, далеко от «Патмарка».

– Есть идеи, что этот мужчина делал вдали от того места, где должен был находиться? – спросил я лейтенанта Тома Джойса, начальника детективного отдела семнадцатого участка.

Джойс сообщил мне, что женщина, у которой Хенрик спрашивал дорогу, была его домохозяйкой.

– Она показала ему на карте, где находится Олбани-авеню, – рассказал Том.

Сама того не ведая, она указала ему на начало Олбани-авеню. К сожалению, он был далеко от назначенного места.

Около одиннадцати часов Хенрик вышел либо на остановках «Ютика», «Ральф», «Кингстон», либо на «Трооп-стрит», более чем в шести с половиной километрах от того места, где должен был появиться. Для парня с ограниченным знанием английского языка в городе, потрясенном нападением, с тем же успехом это могли быть и полторы тысячи километров. «Адам», человек, с которым Хенрик Сивяк должен был встретиться, сказал полиции, что ждал Сивяка в течение часа у «Патмарка», прежде чем пойти внутрь и заняться уборкой.

Тем временем потерявшийся Хенрик шел по Декейтер-стрит в Бедфорд-Стайвесанте.

На главных магистралях, окружающих Бедфорд-Стайвесант, полно городских уличных церквей. Церковь Божьего пророчества. Молельня Плезант-Гроув. Духовная израильская церковь и ее армейский храм. Большая гора Сион пятидесятников. Насильственные преступления снизились на 61 процент с 1993 года. Дурная репутация района, известная как «делай или умри», сокращалась квартал за кварталом; пустые магазинные витрины заменялись причудливыми кофейнями и книжными магазинами.

В жилых кварталах, окружающих тихий перекресток Олбани и Декейтера, есть кирпичные дома и огороженные сады, каменная церковь и похоронное бюро. Эпидемия торговли наркотиками продолжалась здесь дольше, чем в большинстве районов, но к 2001 году отошла в тень.

В ночь на 11 сентября Бед-Стай был, как и любой другой район в Америке, напуган и сбит с толку.

Джойс поделился со мной полицейским отчетом. Информации оказалось негусто. Я поехал в Бед-Стай, район, в котором никогда не был, припарковал машину на улице и принялся гулять по окрестностям.

Я подходил к каждому встречному с фотографией Хенрика в руке.

– Здравствуйте! Помните стрельбу, произошедшую 11 сентября? – спросил я двух мужчин, идущих по Декейтеру.

– Нет, мужик, – ответил один из них.

– Здравствуйте, могли бы вы взглянуть на эту фотографию? – поинтересовался я у другого человека на Олбани. – Это мужчина, которого застрелили в ночь на 11 сентября, по соседству.

Прохожий покосился на фотографию, помолчал и потом покачал головой.

– Здравствуйте, а вы когда-нибудь слышали о мужчине, которого застрелили на этой улице в ночь 11 сентября?

Я получил насмешливое «нет».

Я расспросил, наверное, человек пятьдесят и в итоге нашел Шаронни Перри, помощницу местного конгрессмена, которая работала в офисе на первом этаже, в нескольких кварталах от места убийства. Перри хорошо помнила ту ночь.

– Было типа напряженно, – отметила Шаронни. По ее словам, на улице оставались до поздней ночи «по крайней мере, от двадцати пяти до тридцати человек».

В тот вечер Шаронни Перри видела Хенрика. В армейском обмундировании, он шагал на восток по Декейтеру и нашел улицу, которую искал, – Олбани-авеню. Затем поляк повернул на юг, а затем, возможно, понял, как далеко он на самом деле был, так как номера на многоквартирных домах начинались с цифры шесть.

– Мужчина нес сумку и держал в руках листок бумаги, словно искал адрес.

Другие люди тоже его видели. Незнакомец, идущий ночью по Бедфорд-Стайвесанту в армейской форме и с сумкой в руках всего через четырнадцать часов после самого страшного теракта в истории США, не мог остаться незамеченным.

Перри наблюдала, как Хенрик шел на юг по Олбани к телефонной будке на углу Олбани и Фултона, а потом Шаронни увидела, как он идет обратно по Олбани в сторону Декейтера.

– Я видела, как он шел по кварталу, – вспоминала Перри. – За ним следили какие-то парни, – добавила она. Шаронни видела троих мужчин. Женщина свидетельствовала, что они начали преследовать Хенрика Сивяка к югу от Атлантик-авеню, где, по словам Шаронни Перри, находились «очень заброшенные» здания Олбани.

Она не видела, как стреляли, но слышала. Когда женщина посмотрела в сторону здания на Декейтер, 119, то увидела, как разбегаются люди. Потом Шаронни заметила Хенрика на земле.

– Он все еще держал газету в руках, когда в него выстрелили.

Она не могла дать мне описание трех мужчин, которые следили за Хенриком. Я спрашивал дважды, но по какой-то причине догадывался – ничего не выйдет.

Я стучал в каждую дверь в радиусе двух кварталов от места убийства. На другой стороне улицы, примерно через десять дверей, я нашел одного человека, который не назвал своего имени, но был готов рассказать о том, что услышал той ночью.

– Шесть, семь, восемь выстрелов, один за другим, – сообщил он мне. – Не пулемет, а скорее девятимиллиметровый.

Тогда свидетель встал с кровати и набрал 911.

– Полицейские приехали довольно быстро, – продолжил рассказ свидетель. – На другой стороне улицы лежало тело. Молодой мужчина, одетый в армейскую форму, валялся на тротуаре перед крыльцом. Его рюкзак стоял на ступеньке у двери.

Мужчина подтвердил, что полиция была там год назад и стучала во все двери, как и я.

– Они разговаривали с людьми, – заметил он. – Но на многое они не рассчитывали. Все были несколько шокированы произошедшим. Местные, собравшиеся у полицейского ограждения, спрашивали: «Кто его знал?» Странно было видеть белого парня. Сначала я вообще подумал, что он солдат.

Джойс говорил, что полиция отреагировала в течение одной минуты после первого звонка в 911. Они обнаружили несколько гильз, все из одного и того же пистолета, что указывает на то, что в Сивяка стреляли несколько раз, но ранен он был только один раз. Согласно свидетельству о смерти, дело № K01–4192, смерть наступила в результате «огнестрельного ранения в грудь с повреждениями легких и опорно-двигательного аппарата». Бумажник Сивяка с личными вещами нашли на его теле.

Лучана написала в польское консульство, но единственным результатом была двадцатиминутная встреча – и никаких дальнейших действий. Сестра убитого польского иммигранта связалась с полицией, которая, по ее словам, сказала ей: «Вероятно, чернокожий преступник застрелил его, вот и все».

Лучана в это не верит.

– Вечерами в Нью-Йорке преступники почти всегда завязывают с темными делишками, – объяснила она. – Я думаю, вы поняли, он был в армейской куртке и штанах. Здесь было много, много полицейских из других штатов. И, вероятно, они встретили Хенрика и задали какие-то вопросы. Может, [он] был похож на араба. У брата в кармане лежало удостоверение личности. Кроме того, он никогда не понимал, когда полиция говорит «руки вверх».

– Значит, считаете, Хенрика застрелил полицейский? – напрямую спросил я Лучану.

– Да. Может, он хотел все объяснить, показать удостоверение личности, сунул руку в карман, и в этот момент они выстрелили.

Ева Сивяк согласилась с золовкой:

– Полиция Нью-Йорка заявила, что убили его грабители, именно они, но у моего мужа в кармане было лишь пять долларов.

По словам Джойса, у Сивяка в бумажнике нашли около семидесяти долларов, но он быстро отверг мысль о том, что Хенрика Сивяка застрелил полицейский.

– Это был пистолет уникального калибра, – сообщил мне Джойс. – Если допустить, что убийца Хенрика – полицейский, огнестрельное оружие не принадлежало к табельному вооружению полиции.

Джойс отметил, что полиция опрашивала район в течение трех дней, но нашла только одного свидетеля, который помнил, что видел, как Сивяк гулял по соседству.

«Верю ли я, что там есть кто-то, кто что-то видел? – спросил сам у себя Джойс. – Да».

Вдруг мне повезет немного больше? Я уже нашел одного человека, который видел, как шел Хенрик Сивяк, – такое же количество свидетелей, сколько обнаружил весь департамент полиции Нью-Йорка, хотя я не уверен, был ли это тот же самый человек или нет, поскольку Джойс не раскрыл личность свидетеля.

Я вновь стучал в двери домов Декейтера и Олбани, поднимался по двенадцати ступенькам к парадной двери каждого из домов, стоящих в ряд. Присутствие церкви дальше по улице давало мне ложное чувство комфорта.

Из людей, открывших двери, большинство утверждали, что ничего не знали о стрельбе. Другие запомнили Сивяка только как «польского парня в военной форме». Я повернул за угол. Мужчина в рыжем седе не остановился рядом со мной и спросил, не заблудился ли я. Худощавый белый молодой мужчина ростом почти два метра, с дурацкой стрижкой, да еще и разгуливающий по Бедфорд-Стайвесанту, вполне мог выглядеть так, словно заблудился.

Я рассказал Джойсу, что прошелся по окрестностям и расспросил об убийстве всех, кого смог найти.

– Вы очень сильно рисковали, – вздохнул он. – Вероятно, говорили с кем-то, кто знает преступника.

Я передал Джойсу всю информацию о людях, с которыми разговаривал. Я надеялся, что они могут помочь, но никаких арестов не последовало.

Лучана привезла прах брата в Краков, семья Сивяк и одноклассники его детей присутствовали на похоронах.

– Моя мать пытается осмыслить его смерть, – объяснила мне Лучана. – В океане смерти его убийство было всего лишь еще одной каплей, но мама не может понять, поскольку смотрела телевизор и думает, что Хенрик погиб во Всемирном торговом центре.

Лучана сказала, что Ева справлялась как могла, пока ее дети жили без отца.

– Она рассказала мне о сыне. Он думает о смерти отца. Сын все время повторяет: «Я был очень, очень плохим мальчиком, и Бог сказал... – Лучана открыла портативный переводчик, набрала слово *кара* и нажала «перевести». Женщина показала мне слово, которое появилось на экране по-английски. – ...И Бог сказал: «наказание».

Я умолял Джойса дать мне любую информацию, которую я мог бы опубликовать и которая могла бы дать ответы жителям района на некоторые вопросы. Калибр пистолета. Личность свидетеля, с которым он разговаривал. Описания трех мужчин, следовавших за Сивяком. Да хоть что-нибудь! Мужчина заметил лишь, что расследование продолжается и он не может сообщить подробности.

В газете люди читают историю до конца, но в случае с Сивяком конца не было. Получилось одно из тысячи моих столкновений с человеком, которому это сошло с рук.

После того как история была опубликована, я начал получать письма от людей, интересующихся, не могу ли я помочь в расследовании нераскрытого убийства их дочери, сестры, сына. Меня захлестнула волна печали, гнева и маленькой, крохотной надежды. В течение пяти лет я обращался к людям, чтобы изложить их истории. Я пытался убедить их, что история будет в надежных руках. Теперь люди приходили ко мне. Люди, потерявшие самое дорогое, что у них было. Это ошеломляло. Я знал, что именно этим буду заниматься всю оставшуюся жизнь.

* * *

Несколько месяцев спустя женщина по имени Донна Какура прислала мне небольшую статью в «Нью-Йорк пост». Заголовок гласил: «Полиция подозревает самоубийство». Речь шла о ее брате, человеке по имени Брайан Бут. Его нашли мертвым на Рождество в квартире на Манхэттене. Брут стал жертвой ножевого ранения в шею.

Какура сказала мне, что другой ее брат, Томми, покончил с собой всего три месяца назад: он закачал угарный газ в машину, в которой жил. Газета и полиция думали, что сопоставили все факты: мужчина-гей, проводящий сочельник в одиночестве, чей брат недавно покончил с собой... Должно быть, это самоубийство.

– Брайан *не совершал* самоубийства, – четко заявила мне Донна.

– Мы все время говорили: «Одно происшествие не имеет к другому никакого отношения», – объяснила мне мать Какуры. – Смерть Томми меньше всего повлияла на Брайана.

Он не разговаривал с братом уже много лет.

Его мать рассказывала мне о случаях из детства Брайана. О том, как он устраивал шоу с песнями и танцами на заднем дворе. Она помнит горячее увлечение Брайана пчеловодством, а также тот день, когда пчелы освободились и улетели, и Брайан плакал. Она помнит, как он оставался дома в День благодарения, когда вся семья отправилась на парад, потому что хотел помочь готовить. Брайан с волнением ждал, когда родные попробуют его свежее испеченное печенье. В итоге все его выплюнули, поняв, что парень перепутал пищевую соду с разрыхлителем.

Повзрослевший Брайан казался счастливым. У него была хорошая работа в отделе кадров. Он планировал семейную лыжную поездку. Друг, с которым он обедал за день до своей смерти, сказал, что Брайан радовался и с нетерпением ждал рождения дочки другого своего брата, которую они планировали назвать Кэсси.

После работы в канун Рождества Брайан отправился в «Гэп» – купить подарки для двух племянниц. Он зашел в аптеку «Райт Эйд», а потом в магазин за оберточной бумагой и вернулся в квартиру. Молодой человек позвонил матери, чтобы уточнить планы на рождественский ужин, а затем вышел выпить.

Свидетели сказали, что видели Брайана в баре «Феникс» в Ист-Виллидж в 18:15 вечера. Той же ночью он переместился в «Чудо-бар». Последней известной остановкой Брайана был «Петух», который он покинул около часа ночи. «Петух» – место, куда вы пошли бы к концу ночи, если хотели бы найти партнера», – прокомментировал лучший друг Брайана, Том Гестал.

Никто не видел, как Брайан ушел, и никто не видел, как Брайан вернулся домой. В его квартире в Стайвесант-Тауне не было швейцара – только звонок. Молодой человек жил на восьмом этаже.

Когда он не явился на рождественский ужин, муж Донны, Джо, и брат Джимми поехали к Брайану домой. Джимми иногда останавливался у него и воспользовался собственным ключом, чтобы войти. Они открыли дверь и обнаружили тело Брайана в луже крови в дверном проеме спальни.

Не было никаких признаков взлома или борьбы. На кухонном столе стояли три бутылки пива.

В квартире было найдено оружие, нож, возможно, с кухни Брайана. Донна сказала мне, что, по ее мнению, нож нашли в пакете с подарками, так как полицейские еще не вернули семье рождественские подарки.

Ноутбук и сотовый телефон Брайана пропали, но в его бумажнике в ящике комода нашли 160 долларов.

В статье «Нью-Йорк пост» цитировались неназванные источники в полиции, которые заявили: «Видимо, это было самоубийство». «Дейли ньюс» ссылались на неназванных «влиятельных лиц», которые сообщили, что Брайан «судя по всему, покончил с собой».

Вскрытие показало, что он умер от ножевого ранения в левую сторону шеи, которое разорвало его трахею и пищевод. Семья хотела начать расследование. Они собирались назначить вознаграждение за новые сведения и вовлечь в дело криминалистов. Родственники просто жаждали каких-то действий, но смерть Брайана все еще неофициально классифицировалась полицией Нью-Йорка как самоубийство.

– Мы не можем назначить вознаграждение, пока судмедэксперт не объявил, что произошло убийство, – объяснил мне представитель офиса судмедэксперта.

Смерть Брайана наконец-то была объявлена убийством лишь в середине апреля (полагаю, до них дошло, что он не мог так ударить себя ножом в шею), и семья получила требуемые объявления о розыске к середине мая. К тому времени убийцы и след простыли. Все, кто мог помнить Брайана или с кем он мог болтать в тот вечер в «Петухе», давно исчезли.

– Я на 99,9 процента уверен, что он подцепил кого-то в том баре, – рассказал Гестал. – Я много общался с этим парнем. Я хорошо знал его поведение.

Племянница, с которой Брайан так радостно ждал встречи, родилась через семь недель после его убийства. Вместо Кэссиди родители называли ее Брианной.

Жизнь продолжалась. Его убийца тоже не дремал. Я был уверен, он убьет снова. Убийца, который, возможно, был в городе на праздники, пошел в бар, нашел жертву, прикончил ее и исчез к Новому году. Я записал эту историю и попытался поймать его или, по крайней мере, оказать давление на полицию.

Я потерпел неудачу. Мой второй злодей ускользнул, но теперь у меня было гораздо больше шансов вывести убийц на свет. Донна познакомила меня с лонг-айлендским отделением «Родителей убитых детей», группой, которая предоставляет ресурсы для членов семьи, чьи близкие стали жертвами убийства. Какура пригласила меня на их ежегодный обед в Миллеридж-Инн в Иерихоне, где представители отделения вручили мне награду за то, что я рассказал историю Брайана, когда никто другой этого не сделал. После обеда все члены семей жертв вышли на лужайку перед домом. Они несли воздушные шары с именами близких, написанными маркером. Затем все выпустили их в воздух. Воздушных шаров были сотни. Они летели над Иерихонской магистралью и направлялись к проливу Лонг-Айленд. Некоторые семьи оставались на лужайке и смотрели, пока могли видеть именно свой воздушный шар. Я ехал домой потрясенный.

Через неделю начали приходить письма, и почти все они заканчивались двумя словами: «Пожалуйста, помогите».

Когда мать убитого ребенка пишет вам – мать, убийца ребенка которой все еще на свободе, – трудно не вмешаться.

Трудная задача американского детектива по расследованию убийств усугубляется постоянно растущей горой тел. Пять тысяч убийств, которые каждый год остаются нераскрытыми, громоздятся друг на друге. Если детективы работают над расследованием убийства и на этой неделе убиты еще пять человек, они должны все бросить и расследовать одно из новых дел, прежде чем след исчезнет. С другой стороны, образ детектива, который каждый вечер забирает домой файлы, чтобы работать над одним делом, не является голливудской фантастикой. Да, такое случается, но это всего лишь один или два случая. Если вас убьют в Америке, вероятность того, что ваш убийца не будет пойман, составляет 38 процентов.

Матери, отцы, сестры и братья, писавшие письма с просьбами о помощи, рассказали мне о том, что полиция им не перезванивала. Родственники спросили, что могут сделать для привлечения внимания средств массовой информации. Они говорили о том, как все устроились и забыли о существовании близких людей жертв.

Я начал писать о жертвах. Врач, которого задушили в его доме в 1996 году. Брюнетка, пропавшая по пути в бар в ночь перед Хеллоуином в 1981 году. Тело с татуировкой персика в форме сердца, найденное в парке штата в 1997 году. Стюардесса, которую изнасиловали и убили во время остановки в Бойсе в 2000 году. Пожилая женщина, которую нашли зарезанной в ее сгоревшем доме в Вантахе в 1985 году.

Я общался с членами семьи, свидетелями и возможными сообщниками.

«Он разозлился, ударил меня в живот и сказал: «Мы не пойдем в полицию», – заметил Пи Ви Уолтон об одном из мужчин, которые напали на Нэнси Сантомеро и Вики Дуриан, женщин, убитых на музыкальном фестивале в Западной Вирджинии в 1980 году. «Мы должны очистить это место, – услышал он голос другого мужчины. – Возможно, мы снова захотим здесь повеселиться».

«Я знаю, вы присматриваете за нами», – гласило одно из сообщений на столбе на перекрестке, где пятнадцатилетняя Джессика Савареze была убита неизвестным водителем в 2004 году. «Пустота внутри убивает меня», – содержание другого сообщения.

Я маневрировал от историй о наездах и побегах, переходивших в сомнительные правительственные саги, к рассказам о неопознанных останках, найденных рядом с миллионными домами на Золотом побережье Лонг-Айленда.

– По всей вероятности, ее убили в другом месте, а сюда перенесли, – рассказал мне начальник отдела детективов округа Нассау, когда мы шли через леса заповедника «Муттон-таун» к месту, где в 2001 году нашли череп. Через несколько часов после этой находки детективы обнаружили то, что осталось от скелета женщины, сжавшегося в позе эмбриона между двумя деревьями.

Я создал в газете, превратившейся теперь из «Нью-Айленд ир» в еженедельник «Лонг-Айленд пресс», раздел, который назвал «Конфиденциальная информация Лонг-Айленда» – знак благодарности роману Джеймса Эллроя. Каждую неделю я писал очерк, составлял профиль нераскрытого дела и размещал список десяти лиц, скрывающихся от правосудия Лонг-Айленда, – субъективный список, составленный мной.

Каждую неделю я надеялся, что мои репортажи, любопытство или просто действия заставят сдвинуть дела с мертвой точки, смогут привести к появлению новой информации, а она-то и приблизит семью к ответу. Каждую неделю я возвращался ни с чем.

Убийцы все еще гуляли на свободе. Они не только избегали правосудия за преступления, о которых я рассказывал, но и свободно убивали снова, полагая, что имеют право отнять чью-то жизнь. От этой мысли мои зубы скрежещут, губы кривятся, а в горле зарождается крик. Крик, у которого всегда один и тот же припев. Они так легко отняли жизнь у другого человека. Это был человек!

Человек, который мог смотреть на закат и чувствовать дуновение ветра на щеках. Который мог нюхать свежескошенную траву или слушать песню Боуи. Который мог наскрести достаточно денег, чтобы купить себе пломбир с шоколадным топпингом. Человек, который мог закрыть глаза и мечтать.

Это то, что средства массовой информации отказываются понимать. Независимо от того, насколько неприветливыми могут казаться какие-то люди, независимо от того, сколько наркотиков они приняли или арестов у них было, или как низко они пали, – люди все равно могли сделать все вышеперечисленное. Эти вещи и делают нас людьми.

Однажды кто-то пришел и отнял у них все эти вещи. Все до единой. И оставил людей во тьме.

Я завидую, глядя в телевизор, людям с поднятыми руками, восхваляющим Бога на небесах. Хотел бы я верить в загробную жизнь. Больше всего на свете. Для меня смерть – не дверь и не окно. Это самое страшное, что я могу придумать. Смерть – синоним слова «ничто».

Ни у кого нет права бросать другого в эту бездну раньше времени. Так делали злодеи, которых я хотел преследовать, чтобы все исправить. Также я хотел попробовать спасти следующего человека от небытия, которое наступит слишком скоро.

Глава 4

Вы знаете этого человека?

Лонг-Айленд, 1978–1998 годы

Когда я пошел в первый класс, то сильно протестовал против раннего засыпания, наступавшего в связи с учебой в начальной школе. И что, мне теперь просыпаться каждый день в восемь утра? Чего ради? Математика вместо времени на сон? Книги с главами типа «Лягушка и жаба – друзья» вместо книжек с картинками вроде «Где много диких тварей»? Наверное, я не был уверен, что оно того стоит, и время ложиться спать стало проблемой. Моя мама передала вечерние обязанности отцу. Папа начал рассказывать мне историю. Историю его жизни, начиная с того времени, когда он был маленьким мальчиком, и вплоть до моего рождения.

Первый вечер начался с послевоенных 1950-х годов: бойскауты, ныряющие под столы для учений по воздушному налету. Затем он перешел к истории о Поле Джаде.

– Однажды я заболел и ушел из школы, – начал отец. – А когда вернулся на следующий день, моего друга Пола там не было. Я спросил учительницу: «А где Пол?» И она сказала: «Пол покинул нас». Учительница рассказала мне, что мой друг перебежал дорогу перед школьным автобусом и уронил коробку с завтраком. Пол побежал обратно, чтобы поднять ее. Водитель автобуса не заметил мальчика. И автобус переехал Пола.

Лицо моего отца изменилось.

– Пол учился вместе со мной, потом я вернулся в школу, а его не стало, – произнес отец, укладывая меня. – Все вокруг происходило как обычно, но друга со мной больше не было.

Папа никогда не водил меня в церковь. Единственными объектами духовности в моем доме были два плаката, которые он повесил на стену семейного кабинета. Одним из них было стихотворение «Дезидерата», которое начинается так: «Идите спокойно среди шума и спешки и помните, какой покой может быть в тишине». Другой был цитатой из Кулиджа: «Ничто в мире не может заменить настойчивости»⁷. Небеса не были тем местом, в которое верил мой отец. Мысль о том, что, если человек не верит в определенного бога, он останется вне рая, независимо от того, насколько справедливую и хорошую жизнь он мог бы вести, являлась религиозной аксиомой, с которой папа никогда не мог примириться. Он хотел верить, но не мог.

– Когда ты мертв – ты мертв, – объяснил мне отец.

Мне было шесть лет.

На второй неделе сказки на ночь он рассказал мне о том дне, когда брат убедил его украсть коробку с рыболовными снастями из универмага Моделла и как отца поймали. Все его друзья сбежали, а папу отправили в колонию для несовершеннолетних. Он рассказал мне о бандах, в которых состоял, об Асфальтовых ангелах и о Шутах, как они дрались с другими бандами из соседних городов и как определялись с правилами перед каждым боем: кожа, палки, ножи, но никогда – реальное оружие.

Отец рассказал мне о том эпизоде в средней школе, когда он заговорил с учителем физкультуры и учитель фактически ударил его по лицу. «Я пришел домой и рассказал отцу. Он встал на сторону учителя физкультуры», – горько заметил отец. Его злость давно сменилась новой ответственностью – защитить меня.

Потом папу поймали за тем, что он плевался бумажными шариками в кафетерии, и до конца года заставили сидеть за столом с кучей старших девочек. Каждый день он спрашивал одну из девочек, собирается ли она закончить свой обед. Наконец отец набрался смелости и

⁷ Калвин Кулидж – 30-й президент США (1923–1929).

пригласил эту девочку в кино, на один из пляжных фильмов, но назначил свидание на дневное время и покраснел, когда они приехали в кинотеатр и поняли, что дневной показ отличается от вечернего. Папа робко последовал за моей матерью к их местам, и они посмотрели мультфильм «Путешествия Гулливера» братьев Флейшер.

На третьей неделе отец рассказал мне, как сбежал из дома, когда ему было пятнадцать, украл коллекцию редких монет своего отца, купил удостоверение личности у пожилого, покрытого татуировками мексиканца по имени Крис Кир и прыгнул в автобус до Лос-Анджелеса. На полпути он почувствовал себя виноватым и отправил монеты обратно по почте, но все-таки добрался до Лос-Анджелеса. Папа отправился напрямик в Голливуд и в Вайн, который, как он слышал по радио, был центром вселенной, и устроился парковщиком машин в ресторане. Когда начальство узнало его настоящий возраст, отца уволили, и он стал продавать энциклопедии – ходил от двери к двери. В итоге папа продал лишь один комплект.

Он рассказал мне, как, будучи в Лос-Анджелесе, однажды на выходных поехал на юг, в Тихуану, и отправился в бордель с намерением потерять девственность. Отец вспоминал, что внутри стояла очередь из мужчин, которые просто ждали, но в комнате было много свободных женщин.

– Я спросил парня передо мной: «Чего все ждут?» Он ответил: «Лучшие девушки наверху. Они заняты. Мы ждем, когда они вернуться».

Папа рассказал мне о том, как он ждал и выбрал именно ту девушку, которую хотел.

– Ладно, пора спать.

Папа провел месяц в Лос-Анджелесе и вернулся в Лонг-Айленд, но не в свою семью. Он жил впроголодь, спал на диванах у друзей или на улице. Однажды вечером отец прогуливался по универмагу в Левиттауне.

– Я увидел свитер, который мне понравился. Я надел его поверх рубашки и направился к выходу из магазина. На эскалаторе какая-то женщина подходит ко мне сзади, хватая меня за руку обеими руками и говорит, – отец стиснул зубы: «Только шевельнись, и я ее сломаю». Я стоял там и ждал, когда эскалатор коснется пола. Ждал. Ждал. И как только это произошло, я отшвырнул женщину от себя. Йух! – Он вскинул руку в воздух. – Она отлетела в сторону. Я побежал к парадным дверям магазина. Я был в полуметре от них, но вдруг ко мне подбежал парень. Я не думал. Просто отшатнулся и – *бам!* – ударил его прямо в лицо.

Парень упал на вешалку с одеждой.

– Оказывается, он был детективом не на службе, – добавил мой отец.

К тому времени я был чрезвычайно взвинчен и даже не мог спать.

Папу арестовали и отвезли в участок. Там он назвал себя Крисом Киром. Так было записано в удостоверении личности, которое он купил перед тем, как сбежать в Лос-Анджелес.

Однако полиция была хорошо знакома с настоящим Крисом Киром: он раньше попадал в неприятности, и у реального Кира на руках были татуировки. Они знали, что мой отец – не он.

Папа рассказал, что они проверили его отпечатки пальцев в ФБР и ничего не получили. Затем полиция испробовала другую тактику: обратилась к СМИ.

– Они напечатали мою фотографию в «Ньюсдей», – рассказал мне отец, – с заголовком «ВЫ ЗНАЕТЕ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА?»

Папа объяснил, что его родители увидели эту историю и сообщили полиции: человек, находящийся под их опекой, на самом деле был пятнадцатилетним мальчиком по имени Уильям Дженсен.

Его отправили в окружную тюрьму Нассау. Полиция предложила его родителям сделку – папа мог провести год в тюрьме вместе со взрослыми или два года в Коксаки, который тогда был исправительной колонией для молодежи, куда из Нью-Йорка и Лонг-Айленда направляли малолетних преступников. Мой отец умолял свою мать отпустить его в тюрьму для взрослых, но она отказалась, и папу отправили в северную часть штата.

На следующей неделе мои сказки на ночь стали намного более наглядными. Папа пересказывал мне истории о драках во дворе, о заточках, о том, как он врал, что он из Бруклина, что у него друзья покрупче, чем дети с Лонг-Айленда, и что он много играл в шахматы.

Он ушел из Коксаки, спрятался от призыва, подсел на героин, бросил эту привычку, затем научился красить дома, женился на моей матери и, в конце концов, открыл собственный бизнес с целью дать мне жизнь, о которой он всегда мечтал.

Это была дикая история, и она «застряла» во мне. Подростком я пошел в библиотеку в поисках статьи о таинственном человеке, которого разыскивали за то, что он ударил детектива по лицу. Я верил в историю моего отца, но скорее просто хотел увидеть ее в печатном виде. Я перебирал бобину за бобиной микрофильмы, но так и не нашел этот материал.

На протяжении всей истории было ясно одно: папа никогда не имел лучшего друга. Кого-то, кому он мог бы рассказывать истории. Кого-то, кому он доверял бы больше всего на свете. Поэтому-то он и произвел на свет меня. И мы все делали вместе.

Каждая ярмарка, которую он видел на церковной стоянке по дороге домой с работы? Мы были там на следующий вечер. Каждая классная игровая площадка, которую папа заметил, с ракетным кораблем, тренажерным залом или гигантской горкой? Мы были там в ближайшее воскресенье. Каждый фильм, который совершенно не подходил для восьмилетнего ребенка, от «Полосок» до «Дома животных»? Мы шли его смотреть. Когда рестлинг стал популярным, мы побывали в Мэдисон-сквер-гарден, где Халк Хоган выиграл пояс, и на первой «Рестлмании» с мистером Ти и Синди Лопер. Мы возвращались домой с Пенсильванского вокзала, и папа разрешал мне взять в газетном киоске комикс, чтобы почитать в поезде, но я никогда не читал его, потому что всю обратную дорогу мы обсуждали то, что только что видели. («Ты обратил внимание, как Али ударил Пайпера?») Так и поступают лучшие друзья. Мы с папой вели себя точно так же во время поездок на стадион Ши или в Нассау-Колизеум, и когда слушали ду-воп или «Битлз». Когда безумные финальные аккорды Helter Skelter закончились криком Ринго «У меня волдыри на пальцах!», отец рассказал мне о Шэрон Тейт и о том, как семья Чарльза Мэнсона напала на нее, вырезала ребенка Шэрон из утробы и написала слово «свинья» на стенах ее кровью. Вырезание ребенка оказалось городским мифом, но память об этой истории осталась со мной.

Родители впервые разрешили мне остаться дома одному, когда мне было одиннадцать. Мама с папой оставили мне две пиццы с французским хлебом Стаффера, пульт дистанционного управления и наставление не сжигать дом.

Они не уточняли, *что* я могу или не могу смотреть по телевизору.

В ту первую ночь в одиночестве я сидел, как замороженный, на полу, жевал плохо пропеченную пиццу и узнавал о своей неминуемой гибели. «Человек, который видел будущее» был документальным фильмом на канале НВО о Нострадамусе – французе, который якобы написал сотни четверостиший, предсказывающих будущее. Гулкий голос Орсона Уэллса рассказывал о возвышении Наполеона. О возвышении Гитлера. О возвышении тирана в голубом тюрбане на Ближнем Востоке, запуске ракет, чтобы начать Третью мировую войну одной из ядерных бомб, которая с оглушительным грохотом приземляется в центре Нью-Йорка.

Но не это напугало меня в ту ночь. Третья мировая война? Конец света? Я думал, эти события неизбежны.

Что меня напугало, так это человек на травянистом холме.

Мы добрались до той части, которая касалась убийства Кеннеди. Я наблюдал, как президент ехал в лимузине в Далласе, улыбаясь и махая толпе, а затем увидел, как его голова взорвалась. Джеки забралась на багажник, чтобы собрать осколки его черепа, но потом камера приблизилась к кустам позади нее и показала очертания того, что выглядело как человек, сидящий среди листьев и держащий винтовку.

Нострадамус, очевидно, предсказал, что перед президентом будет убийца.

Очевидно, в тот день преступника больше никто не видел. А я его видел. Или, по крайней мере, я так думал.

– Там парень с винтовкой! В кустах! Он застрелил президента! Я должен кому-нибудь об этом рассказать! – мысленно закричал я.

В тот понедельник я зашел в школьную библиотеку и попросил все книги, которые у них были, об убийстве Кеннеди. Следующие сорок пять минут я провел, изучая отчеты о вскрытии.

Я вернулся в библиотеку на следующий день. И на следующий. И на следующий.

– Можно мне взять все книги об убийстве Кеннеди?

Скоро библиотекарь, завидев меня, уже знал, что я буду спрашивать. Сегодня подобный интерес мог бы включить меня в особый список наблюдения, но тогда я был просто тощим ребенком, одержимым узорами брызг крови и теориями волшебных пуль.

После месяца, проведенного за обедами в «Дили Плаза», я пришел к выводу, что Нострадамус, вероятно, был мошенником. Мне потребовалось еще несколько лет, чтобы прийти к выводу – Освальд, очевидно, действовал в одиночку, но по пути я перешел к убийствам Сына Сэма и Мэнсона. Я проглотил *Helter Skelter* Винсента Буглиози, «Убийца рядом со мной» Энн Рул и «Абсолютное зло» Мори Терри об убийстве в клубе «Коттон» и об изнасиловании, а также о жесточайшем обращении с Арлис Перри в церкви Стэнфордского университета, где нападавшие вставили в женщину девяностосантиметровую алтарную свечу и воткнули ей в затылок нож для колки льда.

Моя мать одолжила мне эту книгу после того, как сама ее прочитала.

Мне не было против чего бунтовать, когда дело касалось родителей. Мама давала мне книги о настоящих преступлениях, а папа был моим лучшим другом.

Пока мой отец лепил и формировал из меня уменьшенную версию себя, он был убежден, что я вырасту и возьму на себя семейный бизнес по покраске домов. Папа был так уверен в этом, что никогда и не думал – а вдруг я займусь чем-то другим? Однако, сидя в «Ши» и слушая, как я рассказываю о процентах от базовой ставки Муки Уилсона, ему пришло в голову, что, возможно, следует начать откладывать деньги на университет.

Я так и не стал грубым драчуном, которого когда-то формировал мой отец. Вместо этого я склонялся к романтизму. Поклонник *Smiths* и *The Cure*, *Sisters of Mercy* и *Depeche Mode*. Я тосковал по девушке и сочинял пропитанные готикой стихи, которые никогда бы ей не показал. Я был мальчиком на последней парте со странной стрижкой. Сложенный экземпляр книги Рембо «Одно лето в аду» из благотворительного магазина скользнул в карман моего пальто, которое я носил поверх кожаной куртки, которую я носил поверх джинсовой куртки, которую я носил поверх армейской рубашки, которую я носил поверх футболки с надписью «Королева мертва»⁸.

Мои успехи. Каждый слой. Все, что угодно, лишь бы спрятать меня от мира и мои тощие руки от солнечного света.

Я покрасил комнату в черный цвет с неровными белыми полосами и написал стихи и тексты песен на стене. Я ненавидел свой почерк, поэтому попросил папу написать их своими твердыми, как скала, руками.

Папа закрывал глаза на мое поведение. Он был всего лишь маляром, помогавшим сыну воплотить в жизнь его мечту о том, чтобы спать в черной комнате со строками из песен Дэвида Боуи, нацарапанными на стене.

В моей спальне не было ничего светлого, за исключением этих неровных белых линий, что придавало ей нервный, вращающийся эффект, как будто я спал внутри одного из тех шаров

⁸ Третий студийный альбом британской инди-рок-группы *The Smiths*.

с имитацией молнии, которые можно было купить в «Подарках Спенсера». Я засыпал под The Rise and Fall of Ziggy Stardust⁹ и The Spiders from Mars¹⁰.

Осенью 1990 года я вошел в кремовую комнату на седьмом этаже общежития Майлз Стэндиш Холл Бостонского университета, лег на длинный узкий матрас, устался в потолок и задумался, какого черта я там делаю.

Несколько недель спустя папа пришел навестить меня с двумя галлонами черной краски и помог погрузить мою комнату в общежитии в темноту, сопровождаемую лишь этими неровными белыми линиями. Так она будет больше походить на мою исполненную грусти из-за несовершенства мира домашнюю спальню. Возможно, отец никогда не понимал, почему я был настолько готичным, но он всегда делал абсолютно все для меня. Когда закончился учебный год, отец вновь покрасил комнату в первоначальный безобидный бежевый цвет.

Папа также не совсем понимал, на что будут уходить его 80 тысяч долларов, когда я сказал отцу, *что* хочу изучать.

* * *

В первый день учебы в университете меня исключили из двух классов, в которые я хотел попасть, и я забрел в класс по изучению религии. В конце первой недели преподаватель пригласил всех, кому было интересно, послушать вечером выступление. Тема – книга Джозефа Кэмпбелла «Тысячеликий герой».

От Гильгамеша до Одиссея и Иисуса все герои следовали по стопам друг друга, объяснил преподаватель. Они проходили через одни и те же испытания, получали одни и те же награды.

– Даже Люк Скайуокер.

– Подождите, кто-кто?

Я сел.

– Скайуокер?

В тот вечер я вошел в обшитую деревянными панелями комнату на Бэй-Стейт-роуд, расположенную у Чарльз-Ривер, и сел в середине дюжины или около того студентов и горстки аспирантов в очках.

Я сидел, оглядывал комнату и пытался понять, был ли оратор среди нас. Вошел профессор и поблагодарил нас за то, что мы пришли. Преподаватель вытащил видеокассету и вставил ее в видеомэгнитофон, стоящий под квадратным телевизором в передней части комнаты.

«*Какого черта?* – подумал я про себя. – *Мы собираемся смотреть фильм?*»

После какой-то дрянной синтезаторной музыки и компьютерной графики 1980-х годов на экране появился старик, сидящий в кресле, окруженном высокими книжными полками.

– Мы не должны рисковать приключением в одиночку, поскольку герои всех времен ушли до нас.

Человек, который, как я вскоре узнал, был легендарным профессором мифологии Джо-зефом Кэмпбеллом, продолжал:

– И там, где мы думали убить другого, мы убьем себя. Там, где мы думали путешествовать вовне, мы придем к центру нашего собственного существования. И там, где мы думали быть одни, мы будем со всем миром.

«*Вот дерьмо*», – подумал я про себя.

Он продолжил беседу. Кэмпбелл обсудил Геракла, Моисея, Будду и Христа. Отправление. Выполнение. Возвращение. И приключения между ними.

⁹ Пятый альбом Дэвида Боуи.

¹⁰ Британская рок-группа, созданная Дэвидом Боуи и выступавшая с ним с 1970 по 1973 год.

Интервьюер профессора мифологии, Билл Мойерс, спросил его о сцене в баре из «Звездных войн».

– Это мой любимый эпизод, – ответил Кэмпбелл. – То место, где вы находитесь, расположено на краю... Первый этап в приключении героя – выход из царства света, которым он управляет и о котором знает, и движение к порогу. Именно на пороге героя встречает чудовище бездны.

Я хотел всего этого. Кровь дракона. Принцесса ирокезов. Песня природы. Я мог бы позвонить в колокола собора и убить минотавра.

«Давайте разберемся во всем этом!» – прокричал я про себя. – Сведите весь этот шум, религию, психиатрию и философию к сути того, что мы должны делать как человеческие существа».

Может, я был в разгаре экзистенциального кризиса, который приходит с каждым новым годом. Я подумал, что нашел призвание, и объявил классику и религию своей специальностью с акцентом на мифологии.

Впрочем, романтизм мифа не мог сдержать истинно преступные инстинкты моего детства. Через четыре года я получил степень бакалавра и 30 тысяч долларов студенческого долга. Я сумел включить преступность в свои исследования и оказался в аспирантуре Канзасского университета со стипендией для изучения новых религиозных движений. Новые религиозные движения – академический способ говорить о сектах, и я тяготел к изучению сект, которые в то время представляли самую большую угрозу для правоохранительных органов; тяготел к христианским апокалиптическим движениям с такими именами, как Завет, Меч и Рука Господня, Церковь Израилева и Орден. Многие из этих движений были связаны с арийской нацией, владели оружием и рассматривали «Дневники Тёрнера»¹¹ как план предстоящей расовой войны.

Существовало множество таких сект, а также гораздо больше преступников, не связанных с группировками. Они преследовали те же самые цели, как тот парень, взорвавший грузовик со взрывчаткой перед федеральным зданием в Оклахома-Сити в ошибочной попытке свергнуть правительство. В результате этого нападения Тимоти Маквей уничтожил 168 человек, в том числе 19 детей.

Я стал хорошо разбираться в этих христианских апокалиптических сектах. Уже после взрыва я написал специальному агенту, ответственному за бюро ФБР в Канзас-Сити. В письме я спрашивал, не нужна ли им какая-либо помощь в этой области.

Я получил лишь формальный ответ от специального агента Уильяма М. Чорняка. Он попросил меня заполнить прилагаемую предварительную заявку на должность специального агента, а также анкету и квалификационный опросник. В нем содержалось мягкое предупреждение о том, что «должность специального агента в ФБР крайне конкурентоспособна».

Чтобы подать заявление, необходимо трудиться полный рабочий день на одной и той же работе не менее двух лет. Моя должность помощника преподавателя классической мифологии не подходила, поэтому я начал работать по сорок часов в неделю в спортивном клубе в Канзас-Сити. Я изучал секты, преподавал мифологию и играл в хоккейной команде днем, а затем продавал спортивные товары каждый вечер и по выходным.

Я взял образец письменного теста и сдал его на «отлично». Физические требования были совершенно другим делом. Я каждый день бегал по пшеничным полям Канзаса и пытался сократить время прохождения полутора километров до требуемых двенадцати минут. Последним камнем преткновения стало мое зрение. Агенты должны были иметь нескорректированное зрение не хуже первой строки таблицы. Мне придется прибегнуть к лазеру.

¹¹ «Дневники Тёрнера» – бестселлер американского неонацистского политика Уильяма Пирса, написанный под псевдонимом Эндрю Макдоналди и выпущенный в 1978 году.

Мне также нужно было решить, как я собираюсь ответить на первый вопрос в разделе личных деклараций: «Употребляли ли вы марихуану в течение последних трех лет или более пятнадцати раз?» Не то чтобы марихуана вызывала у меня паранойю или что-то в этом роде, но я слышал, что все кандидаты проходили проверку на полиграфе. Тем временем я получил степень магистра. Я находился в лучшей в своей жизни форме после бега по пшеничным полям и полного хоккейного сезона. Я выбирал между аспирантурой и лазерной коррекцией зрения, а также читал о том, как можно пройти проверку на полиграфе, но тут мне позвонила мама.

– У твоего отца проблемы, – объяснила она.

Папа, человек, обладающий невероятной энергией, начал уставать. Один из клапанов его сердца отказывал. Отцу нужна была операция на открытом сердце.

Я подумал, что правильней будет вернуться домой и спасти семейный бизнес. Я прошел путь от изучения религии в Лоуренсе, штат Канзас, до стояния на семиметровой лестнице в тридцатипятиградусную жару. Электрическим шлифовальным станком я снимал краску с дома стоимостью в миллион долларов в Гарден-Сити, Лонг-Айленд.

Папина операция прошла успешно. Оказалось, новый сердечный клапан, который врачи установили в его груди, заставил отца почувствовать себя подростком. Вскоре он вернулся на работу.

Каждый день мы вместе ездили трудиться. После двух сезонов папа наконец позволил мне прикоснуться к кисти. Я красил окно в задней части гаража, но это было только начало. *Может, мне все-таки суждено стать маляром?* Я подумывал об этом, но мне нужна была какая-то творческая отдушина. Первый раз за восемнадцать лет я не имел школьного списка чтения или бумаг для письма.

Я начал вести журнал о хоккейных боях. Меня всегда больше тянуло к бойцам, нападающим и подстрекателям, чем к бомбардирам. Я любил смотреть, как Кларк Гиллис выбивает соплю из Терри О'Рейли, и это стало причиной, по которой я начал играть в хоккей в двенадцать лет.

Я смотрел каждую игру «Айлендер» и записывал описание боев: кто выиграл, кто проиграл, кто пролил кровь, а затем обсуждал, повлияла ли кровь на исход игры. Я стащил несколько фотографий из Интернета, выложил мини-журнал в графическую программу, сделал пятьдесят копий в «Кинко» и раздал их на играх, а именно стратегически разместил несколько копий в кабинках мужских туалетов. Журнал я назвал «Боевая карта».

Экземпляр попал в руки «Виллидж Войс», знаменитой альтернативной газеты, возбуждающей толпу, которая готовилась запустить новое издание на Лонг-Айленде. Мне позвонил Джон Манчини, главный редактор.

– Здравствуй! – поздоровался он. – Я только что видел «Боевую карту». Мне нравится этот журнал!

Джон Манчини предложил мне четыреста долларов, чтобы я написал краткое изложение сезона в кулачных боях для первого выпуска.

Потом я торчал поблизости и предлагал любые истории. Дневная работа профессиональных игроков в лакросс. Ежегодный хоккейный матч полиции Нью-Йорка против пожарной службы. Рестлинг на заднем дворе. Я пробовался в профессиональную команду по хоккею на роликовых коньках и в течение недели был помощником тренера Лиги американского футбола в закрытых помещениях.

Мой отец взял мою первую историю прикрытия – историю соперничества «Метс» и «Янкиз» в преддверии их первой серии интерлиги – и оформил ее. Папа повесил ее на стену кабинета вместе с моей второй обложкой «Как выжить в хоккейной драке».

Все было вполне весело и забавно, и мне это нравилось, но я все равно очень хотел писать о преступлениях.

Лонг-Айленд только что вышел из адской серии эпизодов настоящих преступлений – поимки серийных убийц Джоэла Рифкина и Роберта Шульмана. Маленькая Кэти Бирс, запертая в темнице Джона Эспозито. Резня на железной дороге Лонг-Айленда. Снайпер из Саффолка. Лолита с Лонг-Айленда. Лонг-Айленд в 1990-е годы был таким же, как Флорида сегодня.

Я начал пересказывать Манчини криминальные истории.

– Почему ты хочешь писать о преступлениях, а не о спорте?! Люди любят спорт! – произнес редактор своим высоким, отрывистым голосом с акцентом уроженца Квинса. – Занимайся спортивными темами!

С написанием моего первого криминального материала придется повременить.

Дома сердце моего отца билось нормально. Причина моего возвращения домой для «спасения семейного бизнеса» превратилась в шутку. Папа бегал вверх и вниз по лестницам, а я спрашивал: «Нам действительно нужно работать в субботу?»

Однажды в воскресенье, когда мы работали на заднем дворе, папа очень устал, и ему все время хотелось присесть и отдохнуть. На следующий день он пошел к врачу. После серии анализов врач сказал отцу, что у него гепатит С. Мой папа, вероятно, подхватил эту болезнь через иглы тридцать лет назад, когда был героиновым наркоманом. Также папа мог заразиться гепатитом С, когда продавал свою кровь за еду, но все-таки вероятней первый вариант.

Осенью 1997 года у отца начала отказывать печень. После шести месяцев наблюдения за тем, как его переводили из одной больницы в другую, я начал понимать немыслимую вещь: мой папа действительно может умереть. Его лицо стало изможденным, а некогда могучие предплечья истончились и сдулись.

22 апреля 1998 года я сидел рядом с папой в его больничной палате. Я показал отцу обложку моего последнего рассказа для «Голоса». Он назывался «Мой отец надрал тебе задницу в Ши». О приключениях, которые мы пережили вместе, о том, как отец и сын попадали впросак на аренах и стадионах Нью-Йорка. Мы смотрели «Метс» по телевизору в его комнате.

Перед уходом я поцеловал папу в макушку.

– Ты мой герой, – заметил я.

– Спасибо, – прошептал он в ответ.

Отец умер на следующий день.

На его похоронах шел дождь. Моя жена, Кендалл, держала нашу новорожденную дочь, сидя в машине на дорожке рядом с могилой, а я произносил надгробную речь. Пусть я и не верю в загробную жизнь, но я отдал маме две вещи – положить в карман отца в гроб: двадцатидолларовую купюру, чтобы он мог «дать на чай» кассиру и получить лучшее место в раю, и папин карманный нож на случай, если он нарвется на неприятности, оказавшись в аду.

Глава 5

Соучастник в раскрытии преступлений

Голливуд, 2013 год

Через пятнадцать лет после смерти отца я принял решение. Я повторил путь отца в его пятнадцать лет (не крадя его коллекцию монет и не посещая бордель в Тихуане) и отправился в Голливуд. У меня была одна цель – сделать телешоу о раскрытии «зависнувших» преступлений.

Я уже видел дурные предзнаменования относительно будущего газет. В 2006 году я заново изобрел свою каждодневную работу. Я начал создавать веб-сайты и блоги, отточил особый талант заставлять миллионы людей нажимать на веб-ссылки и потом читать истории или смотреть фотогалереи. Моя зарплата утроилась, а жизнь наполнилась аналитикой, электронными таблицами, маркетинговой стратегией и целями по доходам. Эта работа оставляла мало времени для мечты – первого в моей жизни раскрытия убийства, но дала возможность начать вести национальный криминальный блог под названием *True Crime Report* – «Отчет о преступлениях». Я привлек в свой блог писателя, а также создал крупнейшую в то время в стране базу данных нераскрытых убийств, доступ к которой мог получить любой желающий. Однако и этого мне было недостаточно, поэтому я оставил работу с шестизначной зарплатой, чтобы осуществить мечту стать «Джеком Уэббом¹², который встречает Джона Уолша»¹³, только для поколения реалити-шоу. «Американский идол», «Семейство Кардашьян», «Утиная династия», «Адская кухня» – вот на что было направлено внимание публики. Так почему бы не использовать формат реалити-шоу для попыток раскрыть убийства?

Итак, я поехал в Лос-Анджелес. Я планировал каждые выходные летать в Финикс: повидавать оставшихся дома Кендалл и наших детей, ставших уже подростками. Я прикинул, что номер в отеле на четыре ночи в неделю дешевле, чем квартира, и зарегистрировался в «Голливуд-Хисторик-отель», по девятистам девяти долларам за ночь, с ванной 1920-х годов, мини-холодильником 1980-х годов и роскошным видом на надпись «Голливуд».

Прежде чем я вошел в длинное мрачное здание, нависшее над Мелроуз-авеню, поиск в Интернете выдал истории о том, что в этом отеле водятся привидения. В рассказе не говорилось, чей это был призрак, но через несколько месяцев после моего приезда привидение обзавелось подругой: женщина напротив повесилась в своем номере. Отель был дешевым, но чистым. Ночной портье предоставил мне номер на верхнем этаже со сводчатым потолком и потайным отделением под кроватью, где я прятал бутылку водки.

После того как я заселился, мне понадобился какой-то доход, чтобы удержаться на плаву, пока я работал над созданием телешоу.

Моя подруга Ленора Клэр, рыжеволосая девушка будто с пин-ап рисунков Варгаса, сообщила мне об открытии вакансии. Клэр работала на кастинге реалити-шоу. Я получил эту должность. В течение дня я отслеживал людей со странными привычками или необычными занятиями – например, женщину, которая не могла перестать есть набивку диванных подушек, или девушку, открывшую бизнес, где одинокие, полностью одетые мужчины платили за то,

¹² Джек Уэбб – американский актер, продюсер, режиссер и сценарист кино и телевидения, работавший в период 1940–1980-х годов.

¹³ Джон Уолш – отец американского мальчика Адама Уолша, похищенного 27 июля 1981 года из универмага «Sears» в Голливуде, штат Флорида. Его отрезанная голова была обнаружена двумя неделями позже. Смерть Адама вызвала резонанс на государственном уровне. Отец мальчика, Джон Уолш, стал защитником жертв насильственных преступлений и основал программу «America's Most Wanted».

чтобы пообниматься с ней за сто долларов в час. По ночам, один в своем гостиничном номере, я расследовал преступления. Для журнала «Бостон» я написал о Мауре Мюррей, студентке университета Массачусетса, пропавшей в заснеженном нью-гэмпширском лесу в 2004 году, и запустил тысячу теорий от сыщиков-любителей. Для журнала «Роллинг Стоун» я исследовал, как детективы по защите прав животных использовали свои веб-способности, чтобы выследить убийцу котенка Лука Маньотта в Канаде. Они умоляли власти воспользоваться их информацией и осуществить арест, предупреждая их, что этот парень однажды убьет человека. Никто не слушал детективов по защите прав животных, пока в почте не начали появляться части человеческих тел.

Дальше по улице от офиса кастинга находилась начинающая компания под названием TradioV. Идея заключалась в том, чтобы привлечь интересных людей из всех слоев общества, поставить их перед микрофоном и видеокамерой и транслировать в прямом эфире все, что они хотели сказать. У «дутой» знаменитости Энди Дика было свое шоу. Так же поступили актер Эрик Робертс, гитарист Jane's Addiction Дэйв Наварро и модели с татуировками и пирсингом из направления Suicide Girls¹⁴. У Леноры тоже было шоу под названием «Непристойники», в рамках которого она брала интервью у сменяющегося актерского состава голливудских эксцентриков.

Клэр рассказала мне, что создатели «Непристойников» ищут больше контента, и я устроил им настоящее криминальное шоу. Моя идея этим людям понравилась. Подобный расклад ничего бы не дал, но, по крайней мере, у меня чесались руки вытащить на свет некоторые дела, которые я рассматривал, пока пытался поднять рейтинги традиционного телешоу. Создатели закончили встречу предложением: «Вы должны найти соведущего».

Я поискал в Интернете по запросам «Лос-Анджелес» и «настоящее преступление», нашел сайт под названием *True Crime Diary* – «Дневник настоящих преступлений», с которым сталкивался и раньше. Я прочитал несколько сообщений в блоге – одно об убийце Зодиаке, другое – о серийном убийце Израиле Кизе – и затем нажал на ссылку «О создателе».

«Проект *True Crime Diary* начался, когда писательница Мишель Макнамара решила, что расследованиями нераскрытых преступлений, которые она проводила для удовлетворения собственного любопытства, лучше всего поделиться с другими».

Имя показалось знакомым. Я погуглил Мишель, нажал на первую ссылку и обнаружил, что читал статью, опубликованную ею в журнале «Лос-Анджелес». В статье говорилось о поисках серийного убийцы, который десятилетиями ускользал от властей. Я вспомнил, как читал эту историю и говорил себе: «*Черт, жаль, что это написал не я*».

«Днем я – сорокадвухлетняя домохозяйка с привычной стрижкой и сырными крекерами в сумочке, – писала Мишель. – Однако по вечерам я в некотором роде начинающий детектив».

Я отправил Мишель сообщение с просьбой встретиться и добавил ссылки на мою работу в попытке убедить писательницу, что я не психопат.

Пару дней спустя я проснулся, посмотрел на ярко-белый высоченный потолок в самом лучшем номере «Голливуд-Хисторик-отеля», надел кожаную куртку, вышел из отеля и направился к кладбищу, где оставил машину.

Я миновал ворота «Парамаунт», в которые врезалась Норма Десмонд, чтобы увидеть Сесила Б. Демилла перед тем, как умереть в своем бассейне в конце фильма «Бульвар Сансет»¹⁵, затем повернул на север на Гауэр, прошел по кладбищу «Голливуд навсегда» и рядом с останками Демилля, Багси Сигела, Джейн Мэнсфилд, Рудольфа Валентино и даже Ланы Кларксон, актрисы, которую убил Фил Спектор. Напоминания о смерти окружали меня со всех

¹⁴ Suicide Girls – американский веб-сайт и эротический интернет-журнал по продвижению альтернативной красоты; название стало синонимом целой субкультуры.

¹⁵ «Бульвар Сансет» – фильм-нуар американского режиссера Билли Уайлдера о трагедии забытых звезд Голливуда.

сторон. Дело было не в смерти, а в продолжительности их жизни. На самом деле я был старше всех этих легенд, когда их еще только регистрировали на кладбище. Каждый тик на моих часах был маршем к провалу, четыре линии и косая черта на стене складывались в смерть без цели. Стать клише? Такое наказание было хуже провала. Я должен был сделать что угодно, чтобы подобного не произошло.

Я сел в машину и поехал в Лос-Фелис на встречу. Я вошел в «Кофе Бин» на Хиллхерст-авеню и получил сообщение от Мишель Макнамары:

Я в патио, темные волосы, черно-белый наряд.

Выйдя во внутренний дворик, я сразу заметил Мишель в ее черно-белом наряде. Писательница была единственным человеком, который не сидел перед ноутбуком. Я сел, и мы сразу же начали оценивать друг друга. Мы пританцовывали, как два боксера на ринге, пытаясь понять, как много другой человек знает о том или ином убийстве. Люди с ноутбуками, окружавшие нас с Мишель, спорили о сценах со своими партнерами по сценарной работе. «Это сюжетная арка персонажа». «И тогда он получает свою сверхспособность». Мы же с Мишель говорили о том, как именно внутренние органы Элизабет Шорт¹⁶ были удалены из ее тела.

Мы сошлись.

Мы сетовали на ненасытную жажду средств массовой информации пересказывать одни и те же пять криминальных историй снова и снова. Жанр тру-крайм превратился в концерт ископаемой рок-группы – все просто хотят услышать хиты. «Сыграй Мэнсона! Сыграй О. Джея Симпсона!» Тем временем тысячи нераскрытых историй об убийствах остаются нерассказанными.

Мишель была готова участвовать в шоу, и мы решили назвать его *Shadowpulp True Crime Radio Hour*. Первый эпизод будет посвящен серийному убийце, о котором она написала в той статье в журнале «Лос-Анджелес», а именно Насильнику из Восточного района, он же Настоящий ночной охотник (EAR/ONS¹⁷), который среди всех жителей из истории США был наиболее близок к устрашающему образу Бугимена из детских сказок.

В отличие от Сына Сэма, убивавшего людей на «аллеях влюбленных», или Джона Уэйна Гейси, убивавшего маленьких мальчиков, живущих на окраинах, насильник нападал на людей там, где они чувствовали себя в наибольшей безопасности – в своих домах, с любимыми людьми в постелях и с заряженными пистолетами в ящиках стола. Мужчина проникал в дома, вынимал из пистолетов все патроны, а затем уходил незамеченным. Затем он возвращался на следующую ночь, прокрадывался через незапертое окно, двигался по коридору и появлялся в темноте, ослепляя жертв светом фонарика. Затем он запугивал несчастных людей в течение нескольких часов. Связывал. Насиловал женщин. Маньяк успевал сделать себе бутерброд на кухне, украсть пару личных вещей и выскочить прочь. Сначала он оставлял своих жертв в живых. После пятидесяти изнасилований он превратился в убийцу и стал виновным в гибели двенадцати человек.

Мишель впервые написала об этом деле в 2011 году в журнале *True Crime Diary*. Ее удивление, что преступника не могут поймать, сквозило в каждом предложении. Он оставил после себя множество улик. Насильнику чертовски везло.

«Он не был суперзлодеем, – писала Макнамара. – Преступник был мужчиной, парнем с привычками, чертами характера и предпочтениями, которые при внимательном изучении должны сиять, как хлебные крошки Гензеля в лесу».

Мишель Макнамара считала, что одна из причин, по которой насильник не завоевал популярности в общественном сознании, и основная причина, по которой он все еще был на

¹⁶ Элизабет Шорт, известная под прозвищем «Черный Георгин» – жертва оставшегося нераскрытым преступления, произошедшего в окрестностях Лос-Анджелеса в 1947 году. Убийство Элизабет Шорт остается одним из самых загадочных преступлений, совершенных в США.

¹⁷ Аббревиатура двух прозвищ на английском – The East Area Rapist / Original Night Stalker.

свободе, связана с брендингом. Этот человек нес ответственность за две отдельные серии преступлений на противоположных концах штата. Их сопоставили только спустя годы с помощью ДНК. Итак, у него было два имени. Имя, которое он приобрел в Северной Калифорнии, – Насильник из Восточного района. Не такое яркое, как Зодиак, Потрошитель или Сексуальный зверь Флориды. Скажем так, невероятно провинциальное имя. К востоку от чего именно? В Южной Калифорнии его называли Настоящий ночной охотник. Настоящий – чтобы отличить от более известного Ночного охотника, Ричарда Рамиреса. Такая классификация отчасти была бы смешной, если бы не ужас от осознания существования двух серийных убийц под прозвищами Ночной охотник, орудовавших в одно и то же время в одном и том же районе. Мишель полагала, ребрендинг преступника может привести к получению дополнительной информации и, соответственно, раскрыть его личность, поэтому, когда Макнамара написала художественный рассказ, она представила его широкой аудитории и быстро окрестила монстра новым именем: Убийца из Золотого штата.

Мы в прямом эфире транслировали первую серию *Shadowpulp* перед двумя камерами, установленными в студии на бульваре Санта-Моника. Меньше сотни человек наблюдали за происходящим. Мы получили единственный телефонный звонок от зрителя, назвавшего себя «Фрэнк из Бербанка». Фрэнк из Бербанка на самом деле был Паттоном из Лос-Фелиса, мужем Мишель, комиком Паттоном Освальтом, который смотрел прямую трансляцию из дома.

Несмотря на равнодушный прием, они пригласили нас еще на одно шоу. Мы с Мишель размышляли, какое дело будем копать дальше.

«Бауэрдорф/Криста Хелм, дело «Голливудских старлеток» не раскрыто, – написала мне Мишель. – Или все-таки «Зодиак»? Или дополнительные убийства, связанные, возможно, с семьей Мэнсона? Я готова к обсуждению».

Каждое убийство, которое Мишель Макнамара предлагала нам взять, было нераскрытым. Эта женщина действительно начинала мне нравиться.

Мы остановились на нераскрытых убийствах, которые просто-таки окружали семью Мэнсона. Хотя история Мэнсона – самая печально известная американская история о настоящих преступлениях из когда-либо рассказанных, все еще оставались тайны, которые нужно было раскрыть. Помимо Гэри Хинмана, жертв в домах Тейт и Лабланки и Дона «Коротышки» Ши, которого убили на ранчо Спана, любители тру-крайма в течение многих лет предполагали, что семья была ответственна за более чем дюжину тел. Их нашли по всему Лос-Анджелесу в конце 1960-х годов, в том числе и Марину Хабе, которую отыскивали возле Малхолланд-драйв в Новый год в 1969-м. Семнадцатилетнюю девушку похитили возле дома ее матери, избили и несколько раз ударили ножом. Другую, жертву № 59, сбросили в густой подлесок Лорел-Каньона в ноябре 1969 года, в пределах видимости того места, где меньше года назад оставили Хабе. Девочка-подросток, опознанная десятилетия спустя как Рит Джувертсон, получила 157 ножевых ранений в грудь и горло. Тела пятнадцатилетнего Джеймса Шарпа и девятнадцатилетней Дорин Гаул были найдены в переулке Лос-Анджелеса 22 ноября 1969 года. Молодые люди активно участвовали в отошедшей от саентологии группе под названием «Процесс», с которой Мэнсон заигрывал. Их обоих зарезали. Тела Нэнси Уоррен и Клиды Делани были найдены недалеко от Укии 13 октября 1968 года. Их задушили и избили кожаными ремнями. Среди подозреваемых были члены семьи Мэнсона, но никому так и не предъявили обвинений. Доказать какую-либо связь между семьей Мэнсона и этими жертвами было бы огромным достижением для шоу.

Мы разделили дела и начали собирать материал. И я, и Макнамара говорили с Винсентом Буглиози, окружным прокурором, который не только осудил Мэнсона, но и написал одну из самых продаваемых книг о настоящих преступлениях в истории – *Helter Skelter*. Мы почувствовали себя настоящими фанатами, когда услышали голос легенды на другом конце линии. Буглиози вежливо отказался участвовать в шоу, он еле говорил из-за рака, который лишил его жизни два года спустя, но у нас было более чем достаточно фактов для часовой серии.

Для съемок Мишель привезла русских матрешек, которые начинались с большого Чарли Мэнсона и заканчивались маленьким холодильником – миниатюрной версией холодильника, который находился в резиденции Лабанка. Кровью на его двери были с ошибками нацарапаны слова *Helter Skelter*. Игрушки сидели между нами, пока мы обсуждали, как Мэнсон однажды похвастался совершением более тридцати пяти убийств. Мы задавались вопросом, могло ли его харизматическое влияние простирается от Венеции и предполагаемого «несчастливого случая» с русской рулеткой Джона Хаута до Лондона и предполагаемого «самоубийства» друга члена семьи Сандры Гуд, Джоэла Пью. Скотт Майклс из Dearly Departed Tours, компании, которая возит любопытных туристов по печально известным местам Мэнсона по всему городу, вызвался участвовать в шоу, чтобы привести собственные доводы, как и Фрэнк из Бербанка.

Неделю спустя мы решили взяться за Зодиака.

«Я, конечно, могла бы найти несколько интересных гостей для этой программы, – написала Мишель. – Люди ЛЮБЯТ разнообразные зодиакальные теории».

Для шоу «Зодиак» Мишель принесла небольшое произведение искусства, которое заказал Паттон, а именно карикатуру на Мишель, держащую чашку кофе во время встречи с Зодиаком, одетым в униформу с капюшоном из убийства на озере Берриесса. В перерывах между рекламными роликами я ставил Wild Honey Pie Beatles, Do It Again Steely Dan и Baker Street Джерри Рафферти, полностью нарушая законы об авторском праве, что, вероятно, является одной из причин, по которой вы больше не можете найти эти серии в Интернете.

Радиочас *The Shadowpulp True Crime* был чем-то *вроде* телевидения, но я был готов начать свое первое настоящее телевизионное шоу. Я назвал его *The Murder Circle* («Круг убийств»). Идея состояла в том, чтобы взять семь человек, которые, так или иначе, посвятили жизнь расследованию преступлений. Там была суровая женщина – бывший прокурор, бывший агент ФБР, жесткая, но симпатичная бывшая заключенная, молодой следователь на месте преступления, бывший детектив по расследованию убийств, журналист-следователь (я) и домохозяйка – гражданский детектив (Мишель). Мы собирались каждую неделю в маленьком городке, оказавшемся в тупике из-за нераскрытого дела, и возобновляли расследование. В каждой серии мы намеревались перебрать все улики, заново просмотреть основных игроков и неизменно сражаться друг с другом, пока не найдем подходящего парня.

Я отыскал пять человек – заполнить другие роли в шоу, снял интервью со всеми ними и сделал видеопрезентации. Каждый представился и объяснил, что он привнесет в общее дело.

«В течение дня я – мама четырехлетнего ребенка, – начала Мишель. Она говорила прямо в камеру из игровой комнаты дочери. – Но ночью я занимаюсь отчетами о вскрытии. Можно наугадить ужасные подробности. Все это связано с попытками продолжать расследовать нераскрытые преступления. У каждого есть свое дело, и похоже, это мое предназначение».

Мы с Мишель встречались за ланчем раз в месяц в таких местах, как «Таллиранд» в Бербанке, «Фред 62» в Лос-Фелисе или кафе «101» в Голливуде, и говорили почти исключительно о преступлениях, приветствовали любую возможность обменяться идеями друг с другом. Макнамара работала над предложением превратить свое расследование убийств в Золотом штате в книгу, в то время как я продолжал писать статьи о нераскрытых делах.

Я написал ей после того, как посмотрел видеопрезентации, которые мы создали для «Круга убийств».

«Все получилось великолепно», – одобрил я проект и сообщил Мишель Макнамаре, что мы приступим к рассмотрению идей, как только сможем организовать несколько встреч.

«Круто, – написала она в ответ. – А я, кажется, продала книгу издательству «Харпер Коллинз».

* * *

Я встретился с продюсерской компанией, которая заметила, что, в принципе, им нравится идея «Круга убийств», но гонорары в ту и другую сторону, да еще и адвокатам были лишь одним из многих ударов, которые нанесет Голливуд. Я был близок к продюсированию шоу, а затем откладывал его в последнюю секунду по одной и той же причине снова и снова: я не мог гарантировать раскрытие преступления к концу каждой серии.

«Наши зрители хотят решений в конце», – заявлял каждый руководитель телесети.

«Просто взгляните на всех людей, которые обсуждают нераскрытые убийства в Интернете, – возражал я. – Они могут быть частью разгадки тайны».

«Да, наше исследование рынка говорит, что зрители хотят смотреть больше шоу с нераскрытыми историями, – подтвердил статистику один из руководителей телевизионной сети. – Хотя мы знаем – на самом деле они просто очень хотят, чтобы, в конце концов, все было решено».

Пытаясь хоть что-то контролировать, я решил рискнуть, когда фестиваль South by Southwest Interactive (SXSW), конференция в Остине, штат Техас, на которой нерды-технари собираются поговорить о новых больших событиях в цифровом мире, объявил о сборе тем для сессий своей ежегодной конференции в марте следующего года.

Я только начал работать над историей для «Роллинг Стоун» о гражданских сыщиках, упорных и овладевших неплохими навыками, пытавшихся найти убийцу котенка, Маньотту. Я хотел показать, как этот тип краудсорсинга можно задействовать для раскрытия всех видов преступлений. Мишель не только стала ведущим исследователем, но и написала отличную историю о собственных методах цифрового сыска во время поиска Убийцы из Золотого штата.

Это и были два положительных момента на любительском детективном фронте. Мне также пришлось столкнуться с негативными аспектами. Сообщество гражданских детективов все еще не оправилось от неудач с краудсорсингом после взрыва в Бостоне, когда сыщики-любители рисовали круги вокруг набитых под завязку рюкзаков и неправильно идентифицировали террористов, ответственных за взрыв.

Гражданская слежка была готова «сдуться», и Мишель стала идеальным партнером для донесения этого сообщения.

Я создал презентацию, которая, как надеялся, привлечет внимание хипстеров, цифровых ботаников и сброда, которые голосовали за то, какие группы нужно представлять на конференции. На слайдах были представлены статистические данные и примеры частных лиц, использовавших Интернет для раскрытия преступлений: комментаторы *Gawker*, указывавшие на подозреваемого в ограблении в Нью-Йорке после того, как они опознали толстовку студенческого братства, которую мужчина носил во время совершения преступления. Блогер Александрия Годдард, чьи быстрые скриншоты сообщений в социальных сетях старшекласников, хвастающихся изнасилованием шестнадцатилетней девочки в Стьюбенвилле, штат Огайо, предоставили важнейшие доказательства. Граждане на веб-сайтах, нарывшие компромат о Ди Ди Мур, женщине, в конечном счете осужденной за убийство Абрахама Шекспира, по совместительству сборщика мусора, ставшего победителем лотереи.

Это будет первая в истории краудсорсинговая криминальная презентация, призванная показать технологическому миру, что преступления могут быть раскрыты обычными людьми, но, обладая более чем тремя тысячами записей для конференции SXSW и всего несколькими сотнями подписчиков, мы нуждались в названии, выделявшемся из толпы.

Я написал Мишель:

«Я думал ловить убийц с помощью социальных сетей».

«Хороший вариант, – написала она в ответ. – Некоторые другие: @убийство: Интернет как Dragnet. Ловим серийных убийц с помощью поисковых систем. Ладно, с меня хватит:) Твое первое предложение ясно и понятно».

Я увидел другие записи и выяснил, что у выигравших групп часто были несколько чрезмерные названия. Я придумал заголовок, напечатал название, немного съезжился и нажал «Отправить».

«Как это звучит: Гражданин Дикс: поимка убийц с помощью социальных медиа?»

«Нравится, хотя слово «дикс» звучит как «члены:»)», – ответила она.

Мишель смягчилась, и отчасти благодаря тому, что Паттон запостил в «Твиттере» ссылку на наше предложение, оно получило достаточное количество голосов и было выбрано.

В марте 2014 года мы с Мишель отправились в Остин и провели презентацию, в которой подробно описывались примеры краудсорсинговых преступлений и то, как обычные люди могут помочь расследованиям, если у них есть определенные знания.

Мы говорили о том, как Мишель прочесывала «Ибей» в поисках запонок, которые были взяты с места преступления Убийцей из Золотого штата, купила пару, соответствующую их описанию, и отправила их по почте одному из детективов, занимающихся этим делом.

Мы также обсудили последствия взрыва в Бостоне и то, как веб-пользователи, выбрасывающие имена подозреваемых в социальные сети, наносят вред краудсорсинговым усилиям по поиску, но также подчеркнули, что толпа действительно нашла две ключевые части информации. Пользователи «Реддита» быстро идентифицировали логотип на шляпе, которую носил Террорист № 1 в зернистом видео, опубликованном ФБР (это была шляпа для гольфа «Бриджстон»), а пользователь «Фейсбука» представил единственную четкую фотографию Террориста № 2, уходящего с места преступления.

Презентация имела успех, и *Shadowpulp* прошел бодро, но в промежутке между тем, как мы запустили *Shadowpulp* и когда представили свой проект в Остине, Мишель сделала все возможное для поиска Убийцы из Золотого штата. От Сакраменто до Голеты, от Ирвина до Уолнат-Крика писательница покупала обеды для отставных детективов, просматривала полицейские отчеты и разговаривала с выжившими, то есть собирала материал для книги.

Мы все еще встречались на наших ежемесячных обедах. Она рассказывала мне, как упрямые детективы раскалываются, делясь информацией не только с ней, но и друг с другом. Убийца из Золотого штата совершил преступления в нескольких юрисдикциях, и либо бюрократия, либо слепое эго остановили обмен жизненно важными звеньями информации между департаментами. Мишель использовала свое скромное обаяние, чтобы разрушить эти стены, и я распахивал глаза и с трудом удерживал на месте челюсть всякий раз, когда она рассказывала мне о тех кусочках информации, которые ей удавалось выжать из своих контактов. Мы говорили о том, что иногда оба не могли заснуть, просыпались посреди ночи и хватали компьютер, чтобы сравнить несколько ракурсов фотографий брызг крови с места преступления в округе Ориндж или фотографии в Интернете с рисунками протекторов кроссовок «Адидас», изготовленных до 1979 года.

Мы разговаривали друг с другом и переходили с одной темы на другую. У Мишель Макнамары был ранний образец ДНК Убийцы из Золотого штата, и она вводила его в общедоступные базы данных ДНК, такие как Ysearch, чтобы попытаться найти какого-нибудь дальнего родственника, который мог бы привести к убийце. Мишель казалось, что несколько раз она была близка к этому, но это были ложные тревоги. Мы оба надеялись что-то отыскать внутри 23andMe или Ancestry.com¹⁸, но это были закрытые базы данных. Общественности и право-

¹⁸ Компании, анализирующие ДНК клиентов на предмет генетических предрасположенностей к болезням или для поиска дальних родственников.

охранительным органам не разрешалось получать к ним доступ из-за условий конфиденциальности каждой компании.

В перерывах между обсуждением наших навязчивых идей мы долго мечтали. Хотя мне не удалось воплотить в жизнь концепцию телешоу «Круг убийств», я хотел создать в Голливуде клуб, который собирался бы раз в месяц для расследования нераскрытого преступления. В такой клуб входили бы не только детективы, ученые-криминалисты, прокуроры и психологи, но также писатели, актеры и люди, у которых хватало ума и инстинкта думать немного иначе, чем обычный человек на улице.

Мой клуб будет в общих чертах смоделирован по образцу Общества Видока, группы избранных сотрудников правоохранительных органов, которые встречаются раз в месяц в Филадельфии и расследуют нераскрытые дела. Люди будут работать над различными частями дела – извлечением ДНК, опросами свидетелей, реконструкцией лица, – а затем вернуться в следующем месяце и представят результаты остальным. Если бы мы чувствовали, что расследуем настоящее дело и имеем достаточно доказательств того, кто мог совершить преступление, то предоставляли бы всю информацию в местное полицейское управление, отвечающее за расследование.

Мишель заинтересовалась этой идеей и захотела провести такую группу у себя дома, но сначала ей предстояло закончить книгу. Фраза «Как только книга будет закончена» стала ее постоянным рефреном, так что я мягко подталкивал ее к делу каждый раз, когда мы встречались. Я процитировал ей выражение Стива Джобса «Корабль настоящих художников»¹⁹ и попытался внушить подруге, что в какой-то момент ей нужно отпустить рукопись и отправить ее в руки редактора. Однако каждый раз находилась еще одна нить для слежки или для вызова очередного свидетеля.

«Пожалуйста, закончи книгу, чтобы мы могли организовать наше Общество Видока на Западном побережье, – написал я Мишель в конце 2015 года. – Ты можешь выбрать ему название».

«Мишель Макнамара и ее члены», – написала она в ответ, наконец-то приняв название нашего проекта на фестивале SXSW.

«Я уже предвижу ленивую порнопародию», – парировал я.

«Я серьезно, – добавила Макнамара. – Видок на Западном побережье – единственный проект, который я бы сделала сейчас после моей книги».

В конце марта 2016 года мы планировали встретиться в «Голден роуд», пивоварне рядом с железнодорожными путями в Глендейле. «Слушай-ка, – начала писательница, – оказывается, я узнала, что Насильник из Восточного района, или Убийца из Золотого штата, как бы я его ни называла, возможно, написал письмо, где берет на себя ответственность за взрыв в Ла-Гуардиа. Пока я исследовала это дело, увидела, что ты об этом писал! Преступник утверждал, что это было сделано для убийства девушки, которая его отвергла. Я почти уверена, такое обоснование – чушь собачья, но просто хотела поговорить с тобой об этом деле». Все еще была одна зацепка, и, к счастью, на этот раз я смог помочь Мишель Макнамаре немного больше, чем обычно. Десять лет назад я провел месяцы, изучая пыльные факты до сих пор нераскрытого взрыва в аэропорту Ла-Гуардиа в 1975 году. Я опрашивал буквально всех – от ведущего детектива по этому делу до подруги главного подозреваемого – для статьи в «Лонг-Айленд пресс».

За обедом Макнамара буквально допрашивала меня об этом деле. Этот теракт уничтожил одиннадцать человек. Он стал третьим по смертоносности терактом в истории Нью-Йорка, после 11 сентября и взрыва на Уолл-стрит в 1920 году. Мы быстро отбросили мысль о том, что существует связь с Убийцей из Золотого штата. Все выглядело как неадекватное хвастовство больного человека в период общего расцвета безумцев.

¹⁹ Имеется в виду необходимость выставить свой проект на обозрение публики.

Когда подошла моя очередь, я рассказал ей о своем последнем деле. Я расследовал убийства в Медвежьем Ручье, а конкретно о четырех неопознанных телах, найденных в бочках с разницей в пятнадцать лет в лесах Нью-Гэмпшира, также известных как Алленстаунская четверка. Я просто не понимал, как эта семья – женщина и трое детей – могли исчезнуть, быть убитыми и все еще оставаться неопознанными.

Моя подруга хорошо знала это дело, но никогда не писала о нем. Это просто еще одно убийство, которому следовало подождать, пока книга не будет закончена. Мишель сказала мне, что планирует отправить рукопись в издательство к концу года, и тогда мы наконец-то сможем заняться нашей группой по раскрытию преступлений. Я вытащил блокнот и показал ей список из нескольких человек, которые могли бы принять участие. Прежде всего я выделил Джона Мулани, комика, чьи фишки я наблюдал за выпивкой. Он был великим рассказчиком, блестяще справлялся с «Законом и порядком», а его родители были юристами. Возможно, Мулани хотел бы расследовать несколько убийств?

Мишель посмотрела на блокнот.

«О боже, я только что с ним познакомилась!» – вскрикнула она. Оказывается, комик занимался настоящим преступлением. Мы с Мишель были на одной волне. Мы планировали собрать людей вместе и раскрыть убийства.

Мы закончили обедать и пошли на стоянку. Я обнял подругу на прощание и уехал.

В течение следующих двух недель мы переписывались друг с другом и делились новостями о преступлениях.

«Еще одна поклонница настоящих преступлений – певица Кеша, – написал я полушутя. – Вчера она ездила по местам Мэнсона с тем парнем, у которого мы брали интервью».

Едва я узнал, что одна из девушек Мэнсона получила условно-досрочное освобождение, как сразу отправил Мишель сообщение.

«Лесли Ван Хаутен согласилась на условно-досрочное освобождение», – написал я 14 апреля.

«Ни хрена себе», – откликнулась Макнамара.

Я был в середине одной из своих историй, когда мне в голову пришла идея об Убийце из Золотого штата, и я немедленно отправил сообщение Мишель.

«Мишель, ты когда-нибудь изучала убийство во время вторжения в жилище домовладельца примерно в то время, когда прекратилась деятельность EAR/ONS?»

«Да! – написала она в ответ. – Я долго прочесывала СМИ на предмет того же самого, а также самоубийств в следующем году. Сейчас у нас есть подозреваемый. Скрестим пальцы. К сожалению, он путешествует по всему миру и, похоже, не очень часто возвращается в США (что и неудивительно), но его отслеживают. Если мы окажемся правы, его отъезд будет тем, что я подозреваю: мягким устранением, основанным на «испорченном телефоне» между агентствами. Одно из агентств заявило, что он носит повязку. Он был «10» в системе нумерации подозрительности по шкале от 1 (слабый) до 10 (сильный). Потом я узнала, что он в нужное нам время перевелся в Калифорнийский университет, что свидетельствует в пользу его вины, помимо прочих мелочей. Посмотрим. Я буду очень рада, если окажусь права».

Неделю спустя, 20 апреля, я снова написал ей. Мне только что позвонили и сообщили, что А&Е собирается заказать пилотный выпуск нового шоу, которое я самостоятельно создал для городских детективов. Я готовился вылететь в Вашингтон на следующий день, чтобы начать снимать расследование в отношении Алленстаунской четверки.

«Кажется, я только что продал шоу, – написал я. – Хочешь пообедать или поужинать на следующей неделе?»

Глава 6

Самое худшее, что только может предложить человечество

Нью-Гэмпшир, 2016 год

К тому времени, когда я приземлился в Вашингтоне, округ Колумбия, ответа от Мишель еще не последовало. Я прилетел, чтобы взять интервью у Джо Маллинса, специалиста по судебно-медицинской визуализации в Национальном центре пропавших без вести и Штаб-квартире эксплуатируемых детей. Маллинс – художник, работавший над реконструкцией того, как могла выглядеть при жизни Алленстаунская четверка: женщина и три маленькие девочки, найденные в бочках в Нью-Гэмпшире в 1985 и 2000 годах.

Смуглый, с щеголеватым галстуком в оранжевую и синюю полоску и короткой стрижкой, разделившей надвое копну седых волос, Маллинс выглядел как персонаж криминальной драмы в роли «парня-криминалиста».

Он сел за компьютер и открыл файл, содержащий трехмерную визуализацию черепа самой юной жертвы.

«Мы смотрим на самое худшее, что только может предложить человечество», – произнес Джо Маллинс. Он маневрировал стилусом, чтобы повернуть череп на 180 градусов и мы могли увидеть затылок ребенка. Сзади слева в фокусе оказалась серия трещин и отверстий. «Двух- или трехлетней девочке разбили голову чем-то наподобие кирпича», – Джо провел мизинцем по трещинам в черепе на экране.

Трещины в задней части черепа оказались раздражающим зрелищем, но я был полон решимости показывать их ежедневно в *Crime Watch Daily*, «Криминальном дозоре», совместном дневном шоу с настоящими преступлениями, над которым я начал работать в качестве продюсера и следователя. Эта занятость принесла мне стабильную зарплату, и я смог переехать из отелей в квартиру в Бербанке. Никто, кроме сотрудников правоохранительных органов, никогда раньше не видел ран жертв. Может, эти образы заденут чью-то совесть.

Маллинс повернул череп другой девочки на экране так, чтобы он смотрел прямо на нас, и я наблюдал через плечо специалиста, как он добавляет слои цифровой плоти к кости. Изображение на мониторе превратилось из черепа в то, что выглядело как кукла, в глиняную версию маленькой девочки. Затем Джо добавил цифровые карандаши и наслоил телесные тона и волосы, но только когда он изобразил глаза, ребенок стал похож на человека, на кого-либо, кого кто-то мог вспомнить.

«Это разрушительно, – произнес он, – но вы должны превратить разрушение в мотивацию, и я хочу вернуть ей имя».

В тот же вечер я вылетел в Бостон, а на следующее утро поехал в Алленстаун, штат Нью-Гэмпшир, в парк, где были обнаружены тела в бочках.

Там я познакомился с Рондой Рэндалл. Ронда выросла не в Алленстауне. Она там никогда не жила, но знала каждый уклон ландшафта, расположение каждого тощего дерева, каждый дом – и почти каждого жителя – на каждом участке в трейлерном парке, находящемся в четверти мили к западу от леса. Она начала работать над этим делом в 2011 году и стала одержимым гражданским детективом, как и Мишель. Обе они были сорокалетними ирландками. Обе посвящали много времени делам, которые десятилетиями ставили следователей в тупик. Обе, казалось, были беспощадны.

Я последовал за Рондой по узкой тропинке в лес. Примерно в сотне метров от дороги она свернула с тропинки. Полкилометра спустя мы стояли на небольшой поляне.

«Вот здесь», – заметила Ронда и указала на голое место на земле.

В ноябре 1985 года два брата охотились, и один из них наткнулся на двухсотпятидесятилитровую бочку, лежащую на боку у молодой березки. Из бочки вывалился пластиковый пакет.

«Один из братьев сказал мне, что увидел маленькую человеческую ногу, торчащую из сумки», – рассказала женщина. Ронда стояла прямо перед тем местом, где была бочка, но можно сказать, что она проявляла осторожность, опасаясь наступить на то самое место, где стояла тридцать один год назад.

Братья вызвали полицию. Полиции не с чем было работать. Вместе с останками не нашли ни одежды, ни украшений. Они могли лишь с осторожностью употреблять слово «останки». Это был не неповрежденный скелет, а куча костей в мешке внутри бочки. Сначала полиция думала, что это одна жертва. Потом они присмотрелись.

«Вскрытие: две жертвы, – гласил заголовок в «Конконд монитор». – По данным полиции, были убиты девочка и женщина».

Местные жители были ошеломлены. Два трупа? Один из которых маленькая девочка? (Они не знали, что пятнадцать лет спустя ужас умножится, когда всего в ста ярдах от них будут найдены еще два тела. Пока это были только двое жителей Алленстауна.)

Доктор Генри Райан, главный судмедэксперт штата Мэн, пересек границу штата в Нью-Гэмпшир, чтобы помочь, и привез доктора Марселлу Сорг, судебного антрополога из Университета штата Мэн. В ходе одиннадцатичасового обследования они пришли к выводу, что:

«Девочке было от 5 до 11 лет, рост – примерно 130 сантиметров, волосы от светло-каштановых до светлых. Ее били по голове. Взрослая женщина 23–33 лет, ростом от 160 до 170 сантиметров, со светло-каштановыми вьющимися волосами. В какой-то период жизни она обращалась к медикам, так как на ее зубах многочисленные пломбы. Цвет глаз и вес определить не удалось».

Кости были перемешаны, но Райан заявил, что из-за разницы в возрасте между двумя жертвами реконструкция оказалась довольно простой.

Судмедэксперты сказали, что останки пролежали там от шести месяцев до трех лет. У убийцы было слишком много времени, чтобы скрыться.

Власти проверили записи из начальных школ, кемпингов и отчеты о пропавших без вести. Они искали имена, которые могли принадлежать женщине и маленькой девочке. Власти пошли по следу матери и дочери, пропавших без вести в индейской резервации в штате Мэн. Этот вариант оказался тупиковым: их нашли живыми и здоровыми. Еще одна пара, на которую обратили внимание правоохранительные органы, обнаружилась живой в Аризоне. Создали эскизы двух женщин, которых все приняли за мать и дочь.

В 1985 году, через год после первого случая, провели тестирование ДНК для уголовных расследований. (Данные ДНК впервые были использованы в 1986 году для идентификации семнадцатилетнего обвиняемого в двух сексуальных нападениях и убийствах в Лестершире, Англия.) Лучше всего было бы опознать женщину и девочку по зубам. Полицейские пригласили судебного дантиста, но никаких записей не обнаружилось.

В мае 1987 года оба тела были наконец похоронены вместе в стальном гробу на угловом участке на кладбище Святого Иоанна Крестителя в Алленстауне. Местный житель пожертвовал на надгробие. «Здесь лежат бранные останки женщины 23–33 лет и девочки 8–10 лет, о которых известно только Богу. Пусть их души обретут покой в Божьей любящей заботе». Под словами было изображение женщины и маленькой девочки, держащихся за руки.

Прошло тринадцать лет. В 2000 году дело было передано в государственную полицию, сержанту Джону Коди. Коди знал, что место, где была найдена бочка, перерывали снова и снова, но он хотел получить представление об этом месте, и Джон пошел по следу от дороги вниз к тому участку, где пятнадцать лет назад были найдены останки. Он увидел лишь маленькую пустую поляну в лесу. Возвращаясь к дороге, Джон Коди заметил несколько двухсотпяти-

десятилитровых бочек, примерно в ста ярдах от того места, где была найдена бочка с останками женщины и ребенка.

Джон подошел к одной из бочек и толкнул ее, просто чтобы проверить, наполнена ли она. Так оно и было. Сержант снял крышку, и в долю секунды тайна в Алленстауне умножилась.

Внутри он увидел останки двух маленьких девочек. Первая – в возрасте от одного года до трех лет. Вторая – от двух до четырех лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.